

Цимиданов В.В.

КЛАДЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ КАК «ТЕКСТЫ»

Реферат: В статье рассматриваются клады металлических изделий эпохи поздней бронзы, обнаруженные на юге Восточной Европы. Автор анализирует состав 82 кладов, относящихся к 5 периодам. Он обращает внимание на некоторые связанные с ними закономерности качественного и количественного характера. Отталкиваясь от этих закономерностей, автор делает вывод, что многие клады являются «текстами», сформированными по определенным правилам. Это, по мнению исследователя, позволяет поддержать так называемый «вотивный» подход к кладам, который предполагает, что данные комплексы могут быть интерпретированы как жертвоприношения. В статье высказываются также гипотезы о семантике некоторых вещей из кладов.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, юг Восточной Европы, клады, металлические изделия, жертвоприношения, семантика.

Одним из видов археологических источников, с которыми работают исследователи культур юга Восточной Европы эпохи поздней бронзы, являются клады металлических изделий¹. Их рассмотрение имеет много аспектов – выяснение хронологии и культурной принадлежности данных комплексов, изучение металлургии и металлообработки, миграций, торговых связей, социальной дифференциации общества и т.д. При осмыслении кладов нередко возникают вопросы, порождающие дискуссии, которые порой делятся десятилетиями. К числу дискуссионных, в частности, относится вопрос о мотивах, побуждавших людей бронзового века закапывать металл в землю.

Как показал В.С. Бочкарев (а раньше эту тему вскользь затронул Ф.Р. Балонов [1991, с. 315-316]), упомянутый вопрос начал рассматриваться исследователями (главным образом, западноевропейскими) еще во второй половине XIX века. Постепенно сформировались три основных подхода к проблеме:

I. Экономический. Поскольку изделия из металла были очень ценными в материальном плане, их накапливали. При этом данные вещи могли для лучшей сохранности прятать в земле. Тем более, их зарывали в моменты опасности. Сторонники этой гипотезы выделяли различные классы (или типы) кладов – клады-сокровища (включали изделия из драгоценных металлов, высококачественные вещи из меди и бронзы, дорогие импорты), клады литейщиков, в т.ч. странствовавших (в их составе преобладали лом и слитки металла), торговые клады (состояли из готовых изделий и полуфабрикатов) и т.д.;

II. Вотивный. Металл предавали земле в ходе обрядов. В частности, его могли приносить в жертву божествам, в итоге чего возникали т.н. «вотивные» клады. Другой вариант данной гипотезы предполагает, что владельцы металлических изделий закапывали последние в землю, чтобы воспользоваться ими после смерти;

III. Вотивно-социальный. Металл олицетворял богатство и власть, а потому знать широко использовала его для демонстрации и повышения своего общественного положения. Жертвуя накопленные ценности богам или помещая их в могилы родственников, представители знати увеличивали свой престиж [Бочкарев 2002, с. 45-53].

Восточноевропейские исследователи долгое время отдавали предпочтение первому подходу. В частности, А.С. Спицын полагал, что Сосновомазинский клад зарыл в землю литейщик [Черных 1972, с. 187]. В советское и постсоветское время многие клады эпохи бронзы Евразии трактовались как сырье, собранное для переплавки [Добровольский, Канівець 1957, с. 97; Черняков 1967, с. 33, 37; Бочкарев 1970, с. 7-8; 1972, с. 89; Лесков 1975, с. 33; Марковин, Глебов 1979, с. 240-241; Сокольский 1980, с. 148-149; Никитин, Черняков

¹ Нелишне уточнить, что в состав кладов позднего бронзового века на рассматриваемой территории могут входить также изделия из камня, но это встречается редко.

1981, с. 157-158; Чередниченко 1986, с. 54; Ключинцев 1993, с. 43; Ильюков 2002, с. 79; Ключнева 2005, с. 265; Гошко 2008, с. 27]. Иногда клады рассматривались в связи с торговлей – как имущество странствовавших мастеров [Березанская 1980, с. 255] или «вооруженных торговых посредников» [Никитин, Черняков 1981, с. 158]. Изредка выделялись также вотивные (парадно-вотивные) клады [Балонов 1991, с. 331] и клады, являвшиеся спрятанными «сокровищами» [Мерперт 1965, с. 155; Балонов 1991, с. 331; Бородинский клад б/г, с. 8]. Вопрос о целях погребения кладов в земле при этом, как правило, не ставился. Лишь в научно-популярных работах порой допускалось, что металлические изделия закапывались в обстановке опасности [Березанська 1964, с. 25; Бородинский клад б/г, с. 8] либо просто прятались «до лучшей поры» [Черных 1972, с. 187].

С конца 1980-х годов в восточноевропейской литературе стали приобретать сторонников другие трактовки кладов. Например, В.А. Шнирельман показал, что металл мог зарываться в землю в ходе потлачей². При этом исследователь подчеркивал, что к кладам следует относиться дифференцировано. По его мнению, в «развитом бронзовом веке», наряду с престижно-ритуальными кладками, появились кладки, являвшиеся «складами» металлического лома, принадлежавшего литейщикам и кузнецам [Шнирельман 1988, с. 119-120]. Изложенные В.А. Шнирельманом соображения о связи кладов с потлачами быстро встретили поддержку у некоторых исследователей [Цимиданов, Кравченко 1989, с. 131; Горбунов 1992, с. 193].

На необходимости дифференцированного подхода к кладкам заострял внимание и В.С. Бочкарев. Так, в одной из своих работ он констатировал, что в карпато-дунайском регионе известны «кладки-сокровища», состоявшие из престижных вещей – предметов культа и регалий власти. Среди кладов Волго-Уралья аналогов «кладкам-сокровищам» В.С. Бочкарев не находил [Бочкарев 1995, с. 24]. В другой работе исследователь подчеркивал, что «была не одна, а множество различных причин возникновения кладов (экономических, социальных, религиозных и т.д.)» [Бочкарев 2002, с. 53].

Д.П. Куштан также подошел к кладкам дифференцированно. Отталкиваясь от разработок В.С. Бочкарева, он предложил различать домашние (семейные) кладки, кладки торговцев, кладки литейщиков и вотивные (ритуальные) кладки [Куштан 2013а, с. 143-144].

Обращение к работам восточноевропейских археологов постсоветского периода показывает, что при попытках установить причины появления кладов эпохи бронзы исследователи, как правило, становятся на позиции вотивного подхода, т.е. рассматривают акт закапывания кладки в качестве одной из форм жертвоприношений. В частности, согласно гипотезе В.С. Бочкарева, упоминавшиеся выше «кладки-сокровища» Карпато-Дунайского региона могли депонироваться «в качестве эквивалентов инвентаря элитных погребений» [Бочкарев 1995, с. 24]. Сходным образом трактовала некоторые абашевские кладки О.В. Кузьмина. Она допустила, что в данной культуре существовал обряд погребения оружия, принадлежавшего воинам высокого ранга, предполагавший помещение этого оружия не в могилы, а в кладки и иные комплексы [Кузьмина 2008, с. 55].

По мнению Л.С. Ильюкова, металл мог закапываться в ходе «очистительных обрядов» [Ильюков 2002, с. 79].

В статье С. Агульникова и С.В. Ивановой было высказано допущение, что кладки «можно рассматривать как результат применения ритуального захоронения предмета с целью принести жертву определенным божествам» [Агульников, Иванова 2010, с. 155]. Эта же

² Аналогичные взгляды отстаивали и некоторые западноевропейские авторы, например, Р. Брэдли (см.: [Николова 2010, с. 24]). Построения Р. Брэдли были позитивно восприняты И.В. Манзурой и использованы им при трактовке кладов эпохи неолита [Манзура 2000, с. 249]. Л. Николова, напротив, усомнилась в том, что в неолите депонирование кладов преследовало прежде всего цель сплотить социум и воспроизвести «определенный социальный статус». По мнению исследовательницы, люди, закапывавшие кладки, желали достигнуть «соединения обоих миров в изображении вечности» [Николова 2010, с. 24-25]. Словом, Л. Николова «сделала крен» в сторону вотивного подхода.

гипотеза тиражируется в статье Л.В. Субботина и С. Агульникова. Там, в частности, отмечается, что клад, посвященный божеству, «приобретал форму определенной жертвы» [Субботин, Агульников 2012, с. 188].

Я.П. Гершкович предположил, что в периоды VD и HA1 имел место «феномен депонирования наборов инструментов для обработки древесины». Автор задал риторический вопрос: «В чем состоит его знаковая функция?», но предпочел не высказывать свои соображения на сей счет [Гершкович 2013, с. 193-194].

В одной из работ С.В. Ивановой предложено рассматривать клады как следствие «коммуникативного акта» («дискурса») с божествами [Иванова 2011, с. 62]³. Исследовательница считает, что данный «дискурс» мог, в частности, практиковаться при освоении новых территорий, и клады при этом являлись «выражениями» алтарей [Иванова 2011, с. 63], «маркерами границ ойкумены» [Иванова 2011, с. 65]. Клад эпохи бронзы, по мнению С.В. Ивановой, – не совокупность случайных предметов, а «сознательно составленный текст», где каждый знак (т.е. предмет – *В.Ц.*) имел свое значение, а сам текст был сформирован «по определенным правилам синтаксиса» [Иванова 2011, с. 63].

Мы, как и С.В. Иванова, уверены, что очень многие археологические комплексы эпохи бронзы являются «текстами»⁴, включающими знаки, каждый из которых имеет определенную семантику. Прежде всего это касается погребений (см., например: [Цимиданов 2011а, с. 164-171]) и поселенческих культовых комплексов (см., например: [Подобед и др. 2010б; 2011а; 2011б; 2012б; 2013а; 2013б; 2014а; 2014б; 2014в; 2015]). Но возникает вопрос: **насколько правомерно рассматривать под таким углом зрения клады эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы?** Для ответа на поставленный вопрос нами были собраны сведения о 82 кладах, выявленных, в основном, в степи и лесостепи Восточной Европы⁵. В сводку включены и единичные клады смежных регионов (см. Приложение). Вся совокупность учтенных кладов была распределена по периодам в соответствии с хронологической схемой, предложенной в работе В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева [2002, рис. 1]⁶. При этом мы сочли необходимым выделить периоды V-1 (добелозерское время; соответствует первой половине периода HA1) и V-2 (белозерское время; соответствует второй половине периода HA1 – периоду HB1)⁷. Итак, посмотрим, что представляют собой интересующие нас комплексы.

Клады II периода

Учтен 21 клад данного периода (табл. 1). По рассматриваемой территории эти комплексы распространены неравномерно (рис. 1). Большая часть их выявлена в Волго-Уралье – 15. Остальные клады найдены на западной территории – в Среднем Подонье (1), Среднем

³ Более углубленно данная идея разрабатывалась С. Хансеном [Hansen 1994; 2013b]. В соответствии с его концепцией, многие клады отражают «обмен дарами с богами». От этого обмена люди ждали «всегда одного и того же – еще большего подарка» [Хансен 2013а, с. 279].

⁴ Слово «текст» в этой и других работах мы берем в кавычки, ибо правила, которые обуславливали появление культовых комплексов эпохи бронзы, как нам представляется, были все-таки не столь жесткими, как правила грамматики.

⁵ Автор искренне благодарен В.А. Подобеду и А.Н. Усачуку, которые обратили его внимание на ряд публикаций по данной тематике.

⁶ В дальнейшем эта схема подверглась усложнению: ее I период был разделен на два [Бочкарев, Кузнецов 2010, с. 296; 2014, с. 5]. Вследствие этого II период схемы 2002 г. стал III, III – IV и т.д. Но поскольку, во-первых, в нашей работе не рассматриваются клады предсрубного/предалакульского времени, и, во-вторых, деление I периода схемы 2002 г. на два представляется нам не вполне оправданным (рамки работы не позволяют детально остановиться на данном тезисе), мы используем схему 2002 г. в ее первоначальном виде.

⁷ Следует отметить, что деление периода V на два подпериода было предпринято и В.С. Бочкаревым [Бочкарев, Пелих 2010, с. 341], однако, оно не совпадает с нашим. В частности, В.С. Бочкарев выделяет подпериоды Va (XII в. до н.э.) и Vб (XI-X вв. до н.э.). Мы же склонны датировать период V-1 первой половиной XII в. до н.э., а период V-2 второй половиной XII-X вв. до н.э.

Поднепровье (3), Нижнем Поднепровье (1) и Северо-Западном Причерноморье (1). В свое время В.А. Городцов сформулировал принцип, гласящий, что «если нам известны находки памятников в области распространения какой-либо культуры, которые по своему времени совпадают со временем последней, то такие памятники принадлежат только этой культуре» [Городцов 1928, с. 53]. Исходя из данного принципа, справедливость которого, во всяком случае, применительно к эпохе бронзы, крайне трудно оспорить, подавляющее большинство учтенных кладов II периода следует связать со срубной культурой, ибо почти все клады, за исключением разве что Старобыковского, относящегося, скорее всего, к древностям позднего этапа Днепро-Донской бабинской культуры⁸ [Куштан 2013б, с. 133 и сл.], выявлены в ее ареале⁹.

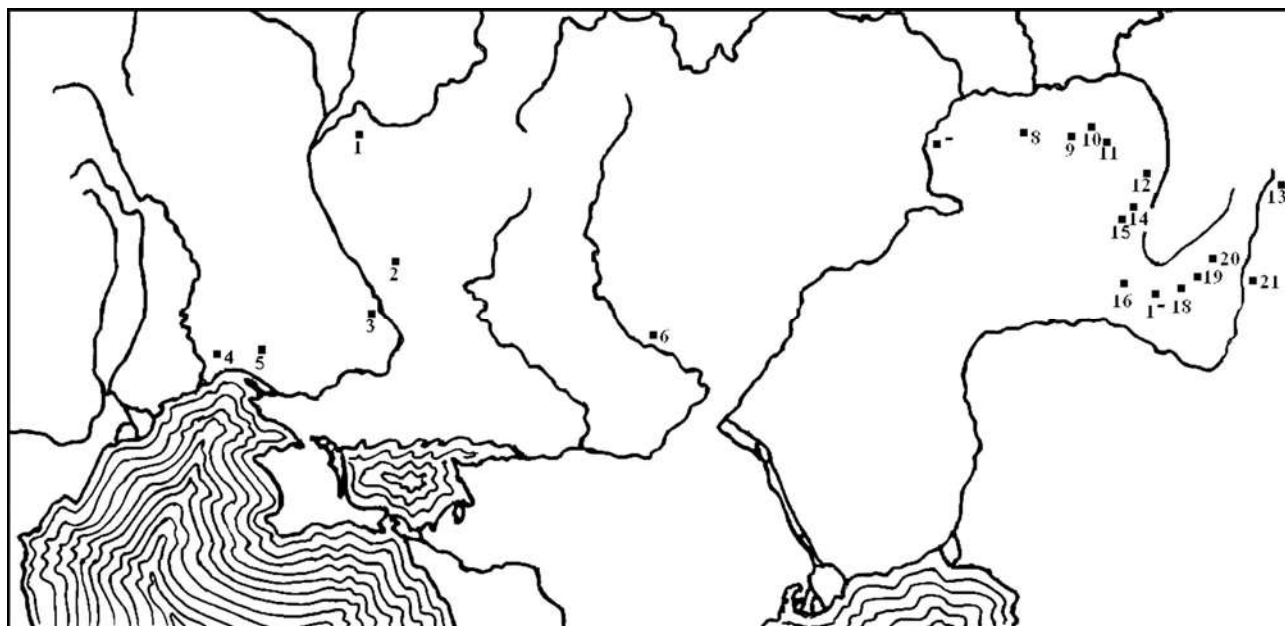

Рис. 1. Карта кладов периода II: 1 – Старое Быково; 2 – Байрак; 3 – Бородаевка; 4 – Коблево; 5 – Ульяновка; 6 – Казанская; 7 – Волостниковка; 8 – Ерыкла; 9 – Ильдеряково; 10 – Ильдеряково («Клад Москательникова»); 11 – «Клад Дубинина»; 12 – Миловка; 13 – Тимофеевка; 14 – Новый Ибракай («Ибракаевский клад»); 15 – Бахчи; 16 – Ново-Красноярский; 17 – Васильевка; 18 – Маерское; 19 – «Клад Веселовского»; 20 – Абзаково; 21 – Лебяжье IV

Fig. 1. The map of treasures of period II: 1 – Staroye Bykovo; 2 – Bayrak; 3 – Borodaevka; 4 – Koblevo; 5 – Ulyanovka; 6 – Kazanskaya; 7 – Volostnikovka; 8 – Erykla; 9 – Ilderyakovo; 10 – Ilderyakovo («Treasure of the Moskatel'nikov»); 11 – «Treasure of the Dubinin»; 12 – Milowka; 13 – Timofeevka; 14 – Novy Ibrakay («Ibrakaevsky treasure»); 15 – Bahchi; 16 – Novo-Krasnoyarsky; 17 – Vasil'evka; 18 – Maerskoye; 19 – «Treasure of the Veselovsky»; 20 – Abzakovo; 21 – Lebyazh'e IV

Информация об обстоятельствах обнаружения кладов у нас имеется только по двум комплексам. В частности, Бахчинский клад находился в кургане, где были срубные погребения [Обыденнов 1989, с. 89]. Лебяжбинский клад выявлен на поселении. По мнению автора публикации, его археологизация произошла вследствие пожара: вещи хранились под крышей «кладовки или чулана», а когда постройка горела, упали вместе с остатками стен и кровли [Петрова 2004, с. 189].

Среди изделий, входивших в состав кладов (см. табл. 1), на первом месте по частоте встречаемости находятся серпы. Применительно к волго-уральскимкладам начала поздней

⁸ По другой терминологии – культура многоваликовой керамики.

⁹ Впрочем, по мнению М.Ф. Обыденнова, клады Веселовского, Тимофеевский и Абзаковский «могли быть оставлены как срубными, так и андроновскими племенами» [Обыденнов 1996, с. 115]. Лебяжбинский клад найден на «срубно-алакульском» поселении.

бронзы это уже констатировалось некоторыми исследователями [Обыденнов 1989, с. 89; 1996, с. 115; Бочкарев 2010, с. 91; 2012, с. 211¹⁰]. Серпы присутствовали в 19 учтенных кладах, и при этом численное доминирование данных орудий демонстрируют как клады восточной территории (здесь и далее под таковой мы понимаем Среднее и Нижнее Поволжье, а также Южный Урал), так и клады западной территории (регионы к западу от Среднего и Нижнего Поволжья).

На втором месте по частоте встречаемости стоят топоры (10 кладов), на третьем – тесла (6). В 3 кладах были ножи. В состав 3 комплексов (клады Веселовского, Москательникова и Ильдеряковский), вероятно, входили наконечники копий¹¹. Из Тимофеевского клада происходит двулезвийное изделие с литой рукоятью и клинком длиной около 15 см [Обыденнов 1996, рис. 3, 16]. Последний показатель вполне соответствует параметрам боевых кинжалов Древнего Востока, для которых характерна длина клинка 13 и более сантиметров (см.: [Горелик 1993, с. 11]). Отсюда мы склонны рассматривать тимофеевский артефакт как предмет вооружения¹². В целом, не более 4 кладов содержали оружие, причем все эти клады найдены на восточной территории.

Изредка в кладах данного периода находились и иные артефакты (см. табл. 1). Стоит обратить внимание на то, что среди последних совершенно отсутствуют украшения, явные инсигнии власти и изделия, которые изначально могли являться атрибутами обрядовых манипуляций.

Клады III периода

Данных комплексов нам известно 19. Их картографирование (рис. 2) показывает иную картину, чем та, которая имеет место в случае с кладами II периода. Большая часть кладов III периода приурочена к западной, а не к восточной территории (14 против 5). При этом все комплексы западной территории происходят из ареала срубной культуры и, очевидно, депонированы ее носителями. Лишь Щетковский клад, обнаруженный в бассейне Южного Буга, локализовался вне основного ареала срубной культуры, доходившего на западе до Ингульца [Цимиданов 2004б, рис. 1]. К тому же, этот клад отличается от основной массы кладов III периода тем, что он содержал, в основном, изделия западного происхождения – серпы нижнедунайской серии и двулезвийные секиры, находящие аналогии на территории Болгарии [Дергачев, Бочкарев 2002, с. 258-259]. Остальные клады западной территории демонстрируют преобладание изделий волго-уральской серии (Благовещенский, Борисовский, Кабаковский, Карачевский, Лобойковский, Нижнехортицкий, Полушкинский, Трехизбенский) или северокавказской серии (Бериславский, Крыловский, Самарский, Таманский). Таким образом, Щетковский клад стоит особняком в рассматриваемом массиве комплексов. Вероятно, его следует относить к сабашиновской культуре [Шарафутдинова 1986, рис. 24].

Значительные затруднения возникают при культурном атрибутировании Таманского клада. С одной стороны, некоторые из содержащихся в нем изделий находят аналогии среди срубных материалов [Черных 1980, с. 154]. С другой, согласно разработкам Э.С. Шарафутдиновой, южной границей срубной культуры в Северо-Западном Предкавказье являлась Кубань [Шарафутдинова 1991, с. 70]. Впрочем В.В. Отрощенко счел возможным сместить эту границу к югу от Кубани [Отрощенко 2003, рис. 1]. При последнем подходе Таманский клад все-таки попадает в срубный ареал, но это не делает его срубную атрибуцию бесспорной. Возможно, клад принадлежит местной кавказской культуре.

¹⁰ В частности, В.С. Бочкарев полагает, что преобладание серпов в кладах предопределялось тем, что эти орудия «в скотоводческой экономике эпохи поздней бронзы... имели жизненно важное значение» [Бочкарев 2012, с. 211].

¹¹ К сожалению, рисунки этих изделий нам не известны, а потому проверить данную информацию мы не смогли.

¹² Ниже при выделении кинжалов мы будем руководствоваться именно этим критерием.

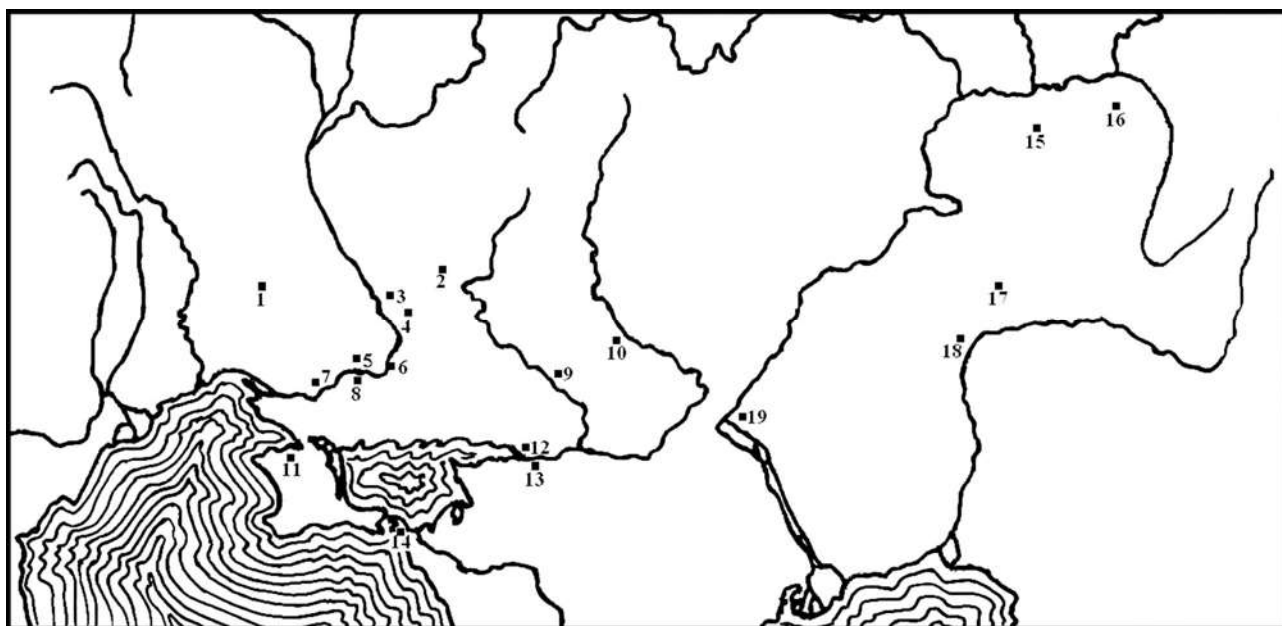

Рис. 2. Карта кладов периода III: 1 – Добрянка («Щетковский клад»); 2 – Карачевка; 3 – Кабаковские хутора; 4 – Лобойково; 5 – Борисовска; 6 – Нижняя Хортица; 7 – Берислав; 8 – Благовещенка; 9 – Трехизбенка; 10 – Терешково; 11 – Крыловка; 12 – Полушкин; 13 – Самарский; 14 – Батарейка («Таманский клад»); 15 – Дербедень; 16 – Карманово; 17 – Овсянки; 18 – Перелюб; 19 – Приморск

Fig. 2. The map of treasures of period III: 1 – Dobryanka («Schotkovsky treasure»); 2 – Karachevka; 3 – Kabakovskie Hutora; 4 – Loboykovo; 5 – Borisovka; 6 – Nizhnyaya Khortytza; 7 – Berislav; 8 – Blogoveshchenka; 9 – Trehizbenka; 10 – Tereshkovo; 11 – Krylovka; 12 – Polushkin; 13 – Samarsky; 14 – Batareyka («Tamansky treasure»); 15 – Derbeden'; 16 – Karmanovo; 17 – Ovsyanki; 18 – Perelyub; 19 – Primorsk

Столь же сложен вопрос о культурной принадлежности кладов Волго-Уралья. Он упирается в недостаточно разработанную проблему верхней даты срубной культуры данного региона. Поэтому, на наш взгляд, корректнее всего относить клады восточной территории к «различным вариантам культур с так называемой валиковой керамикой» (см.: [Дергачев, Бочкарев 2002, с. 99, 107]) без дальнейшей конкретизации.

По ряду кладов III периода известны обстоятельства обнаружения. Любопытно, что 4 клада были приурочены к курганам: Борисовский (выявлен у северо-западной полы большого кургана под каменным блоком весом около 1 т) [Клочко 1998, с. 232], Крыловский [Колотухин 2003, с. 45], Овсянковский [Кривцова-Гракова 1955, с. 62], Кабаковский [Лесков 1967, с. 165]. Вещи последнего клада помещались в глиняном горшке [Лесков 1967, с. 165]. То же имело место в случаях с Полушкинским кладом [Ильюков 2004а, с. 123] и Таманским кладом [Сокольский 1980, с. 144]. А Лобойковский клад, скорее всего, находился в деревянном сосуде [Клочко 1998, с. 227].

Категории изделий, встречающиеся в кладах III периода, более разнообразны по сравнению с ассортиментом кладов II периода (табл. 2). К тому же клады III периода, как правило, более «объемны», чем клады предшествующего времени. Так, свыше 10 артефактов содержались в, примерно, четверти комплексов II периода. Для комплексов III периода соответствующий показатель составляет около 37%.

На первом месте по частоте встречаемости в рассматриваемых кладах вновь стоят серпы, а на втором – топоры¹³. Ножи присутствовали в 4 комплексах, что составляет около 21,1% последних. Этот показатель несколько превосходит соответствующий по II периоду (14,3%).

¹³ Применительно к северопричерноморским кладам периодов III-V-1 об этом уже писали В.И. Никитин и И.Т. Черняков [1981, с. 157; табл. на с. 158].

В состав Кармановского клада входили наконечник копья и кинжал. Наконечник копья находился и в Карачевском клада. В Лобойковском клада присутствовали фрагмент наконечника копья и 2 наконечника стрел. В категорию оружия мы склонны включить также «лабрисы» из Щетковского клада. Таким образом, только в 4 кладах (21,1% учтенных комплексов III периода) оказалось бесспорное оружие. Отсюда правомерен вывод, что в III периоде, как и во II, предметы вооружения входили в контекст кладов крайне редко. Вместе с тем, новым моментом является то, что в III периоде клады с явным оружием появляются и на западной территории.

Украшения в комплексах III периода единичны. Лишь в Лобойковском клада находилась подвеска из бронзы, плакированная золотой фольгой. Возможно, к числу украшений стоит отнести и кольцо из узкой бронзовой пластинки, бывшее в этом же комплексе, а также – круглую бляху из Дербеденевского клада.

Изредка в кладах рассматриваемого периода встречаются вещи, которые с достаточной долей вероятности можно трактовать как предметы культа. Так, в Лобойковском клада находились 12 оковок от деревянных чаш. Связь этих чаш с культовой практикой подтверждается многими аргументами [Цимиданов 2004а, с. 55-59; 2004б, с. 75-77]. В Дербеденевском, Лобойковском и Терешковском клада присутствовали бритвы. Данные предметы, на наш взгляд, являлись отнюдь не утилитарными вещами, а обрядовыми атрибутами [Подобед и др. 2010а, с. 111-116].

Клады IV периода

Учтено 13 комплексов рассматриваемого периода¹⁴. Бросается в глаза то, что фиксируемая материалами III периода тенденция сокращения числа кладов на восточной территории еще более усиливается (рис. 3). Подавляющее большинство кладов (11) выявлено к западу от Днепра. На Днепровском Левобережье нам известен лишь 1 клад. Еще 1 комплекс происходит из Поволжья. Это – известный Сосновомазинский клад, по поводу культурной атрибуции которого высказывались разные точки зрения. В частности, его относили к срубной культуре (см., например: [Кривцова-Гракова 1955, с. 45; Тереножкин 1965, рис. 3, 4-9]), Ноуа [Новикова 1976, с. 54-55], «общности культур валиковой керамики» [Черных 1983, с. 87, 90], «ивановской культуре» [Колев 2008, с. 215-216], «хвалынской культуре валиковой керамики» [Малов 2014, с. 89]¹⁵.

Клады, выявленные на западной территории, происходят, в основном, из ареалов сабатиновской культуры и Ноуа (см.: [Дергачев 1986, рис. 41; Шарафутдинова 1986, рис. 24]). С первой более или менее надежно можно связать комплексы из Пужайково, Курячьих Лоз, Добрянки, Бугского IV, Козорезово и, вероятно, Молешт. Ко второй относятся клады из Хриistica, Кодрянки и Лозовой. Ситуация с кладами из Авраамовки, Маячек и Солонца более сложна, т.к. они выявлены на территории, где известны как сабатиновские, так и срубные памятники [Шарафутдинова 1986, рис. 24; Цимиданов 2004б, рис. 1]. Соответственно, три последние клада могут относиться как к сабатиновской, так и к срубной культуре.

По 5 кладам мы располагаем некоторыми данными об обстоятельствах их обнаружения. В частности, о клада из Добрянки известно, что входившие в него вещи размещались компактно: на двух слитках лежали 2 ножа, между которыми располагался наконечник копья [Leskov 1981, S. 18]. В клада из Курячьих Лоз кельты залегали «пачкой» остриями вверх и

¹⁴ Вероятно, к данному периоду (его концу) относится еще один клад. Он был найден на территории Донецкой области, Украина и включал кельт, кельт-тесло и долото [Гершкович и др. 2013]. Однако, обстоятельства находки (вещи обнаружили «поисковики» при раскопках блиндажа времен Второй мировой войны) «девальвируют» комплекс. В частности, у нас нет уверенности, что в его состав не входили и другие изделия. Поэтому мы сочли благоразумным абстрагироваться от данного клада.

¹⁵ Уточним, что автор рассматривает данную культуру в рамках «срубной культурно-исторической области».

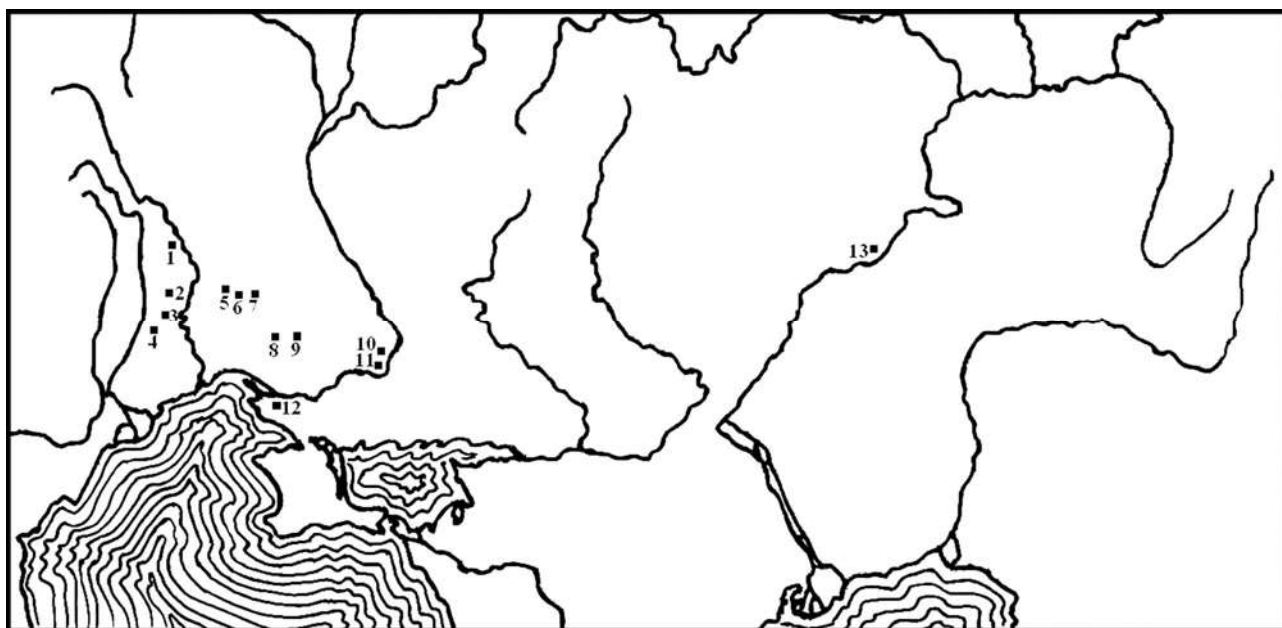

Рис. 3. Карта кладов периода IV: 1 – Христич; 2 – Кодрянка; 3 – Лозова; 4 – Молешть; 5 – Пужайково; 6 – Курячьи Лозы («Курлозский клад»); 7 – Добрянка; 8 – Бугское IV; 9 – Козорезово; 10 – Авраамовка; 11 – Маячки; 12 – Солонец; 13 – Сосновая Маза

Fig. 3. The map of treasures of period IV: 1 – Hristich; 2 – Kodryanka; 3 – Lozova; 4 – Molesht'; 5 – Puzhaykovo; 6 – Kuryachii Lozy («Kurlozsky treasure»); 7 – Dobryanka; 8 – Bugskoye IV; 9 – Kozorezovo; 10 – Avraamovka; 11 – Mayachki; 12 – Solonets; 13 – Sosnovaya Maza

были перевязаны «цепочкой» [Никитин, Черняков 1981, с. 151]. Комплекс с поселения Бугское IV был выявлен в жилище [Дергачев, Бочкарев 2002, с. 222]. Лозовский клад найден на склоне высокого холма. Следов поселения здесь не обнаружено. Вещи находились в круглой яме диаметром около 0,5 м и глубиной около 0,6 м [Дергачев 1972, с. 65]. В кладе из Молешт один котел был помещен в другой [Leskov 1981, S. 19].

Категории изделий, присутствовавшие в кладах IV периода, очень разнообразны (табл. 3). При этом в состав 11 кладов входили топоры. В 10 кладах содержались серпы. Напомним, что во II и III периодах картина являлась иной: число кладов с серпами было большим, чем число кладов с топорами. Следовательно, уместно допустить, что в IV периоде значение топоров в составе кладов возросло. Впрочем, стоит сделать оговорку. Общее количество серпов в кладах рассматриваемого периода значительно превосходит количество топоров. Отношение серпов к топорам при этом составляет около 2,3:1. Соответствующий показатель по кладам III периода довольно близок: около 2,7:1. А вот показатель по II периоду принципиально иной – около 8,4:1. Отсюда видно, что возрастание роли топоров в кладах началось в III периоде.

В 5 кладах находились явные предметы вооружения. В частности, в Бугском и Добрянковском кладах присутствовали наконечники копий, в Сосновомазинском – кинжалы, в Лозовском – кинжалы и наконечник копья, в Курлозском – топоры с шайбой на обушке. В итоге оружие содержалось в, по меньшей мере, 38,5% кладов IV периода. Показатели же по II и III периодам – 19,0% и 21,1% соответственно. Следовательно, можно констатировать, что в IV периоде резко возрос удельный вес кладов, где присутствовало оружие.

Украшения входили в состав 2 кладов IV периода (Авраамовского и Солонецкого), что составляет 15,4% кладов рассматриваемого периода. Соответствующий показатель по III периоду составляет 10,5%. Таким образом, в IV периоде украшения стали несколько чаще попадать в клады, чем в предшествующее время.

Другие изделия, за исключением слитков (находились в 4 комплексах), оказывались в контексте кладов лишь в единичных случаях. В частности, только в 1 кладе (Лозовском) присутствовали вещи, которые с достаточной долей вероятности можно трактовать как инсигнии власти (навершия) и обрядовые атрибуты (загадочные конические предметы на подставках). Возможно, к обрядовой сфере относится и изящная каменная ступка из Козорезовского клада.

Клады периода V-1

Учено 14 кладов этого периода. Все они происходят с западной территории, причем большинство данных комплексов выявлено к западу от Днепра (рис. 4). Самые северные из учтенных кладов – Медведовский и Мельниковский, скорее всего, правомерно относить к белогрудовской культуре, поскольку они обнаружены в ее ареале (см.: [Археология... 1985, карта 12]) и соответствуют времени ее существования. По этим же двум критериям клады из Баху и Хечул Ноу следует связывать с культурой Ноуа, а Еникеойский, Новотроянский, Журавлинский, Бециловский и Ингульский клады – с сабастиновской культурой. Никопольский, Ореховский и Князьгригорьевский клады были депонированы либо сабастиновцами, либо срубниками. К срубной культуре, очевидно, относятся Новопавловский и Райгородский клад. Впрочем, по мнению Л.А. Николовой, последний зарыли носители культуры Ноуа, мигрируя на восток под натиском фракийцев [Новикова 1976, с. 51].

Рис. 4. Карта кладов периода V-1: 1 – Медведовка; 2 – Мельниковка; 3 – Хечул Ноу; 4 – Баху; 5 – Журавлинка; 6 – Еникеой; 7 – Ново-Трояны; 8 – Бецилово; 9 – Антоновка («Ингульский клад»); 10 – Никополь; 11 – Новопавловка; 12 – Князь-Григорьевка; 13 – Орехово; 14 – Райгородка

Fig. 4. The map of treasures of period V-1: 1 – Medvedovka; 2 – Melnikovka; 3 – Hechul Nou; 4 – Bahu; 5 – Zhuravlinka; 6 – Enikeoy; 7 – Novo-Troyany; 8 – Betsilovo; 9 – Antonovka («Ingulsky treasure»); 10 – Nikolopol'; 11 – Novopavlovka; 12 – Knyaz'-Grigorovka; 13 – Oreho; 14 – Raygorodka

Обстоятельства обнаружения кладов в тех единичных случаях, когда они известны, довольно разнообразны. Так, Бециловский клад был найден в кургане [Черняков 1968, с. 131], Новотроянский – на поселении сабастиновской культуры [Суботин, Черняков 1982, с. 15], Ингульский – в месте, где следы поселения отсутствуют. При этом вещи из Ингульского клада залежали в 2 ямах, расположенных в 2,5 м одна от другой [Сымонович 1966, с. 127], т.е., мы, по сути, имеем дело не с одним, а с двумя кладами. Увы, какие из вещей находились в каждой из ям, установить невозможно. А вот клад из Баху был помещен в одну яму (входившие в него

вещи размещались на участке радиусом около 1 м, располагаясь там бессистемно) [Дергачев 2012а, с. 156].

Клады периода V-1 содержали следующие категории изделий (табл. 4). В 12 комплексах присутствовали кельты. В 12 кладах выявлены серпы, причем можно видеть, что их было закопано значительно больше, чем топоров (соотношение составляет около 3:1).

Явные предметы вооружения находились в 5 кладах. В частности, в Новотроянском кладе присутствовал наконечник копья, в Ингульском находились 2 кинжала, в Журавлинском и Ореховском кладах были боевые топоры, а в Никопольском – 2 наконечника копья и боевой топор. Добавим, что в состав Райгородского клада входили шайба от боевого топора и, вероятно, 2 фрагмента меча. Таким образом, 42,9% кладов содержали оружие или его фрагменты.

По сравнению с IV периодом, очень возрос удельный вес кладов, включавших украшения. Он достиг 35,7%.

Сильно увеличился также удельный вес кладов, где присутствовали слитки бронзы (57,1%).

В 2 комплексах были предметы, которые можно трактовать как инсигнии власти. Это – булава из Райгородского клада и навершие из клада Хечул Ноу.

Следует отметить, что набор категорий изделий, выявленных в кладах периода V-1 – почти тот же, что и в кладах IV периода. В частности, из 21 категории вещей периода V-1, функциональное назначение которых более или менее ясно, 13 (61,9%) находят соответствия в кладах IV периода. Несовпадение наблюдается лишь по вещам, которые встречаются в единичных случаях. Так, в комплексах IV периода нам не известны некоторые изделия, присутствовавшие в кладах периода V-1, – булава, меч(?), молоточек, рыболовный крючок, поясная пряжка(?), крупная бляха, кольцо и каменный пест.

В период V-1 клады становятся более насыщенными как по количеству категорий вещей, так и по числу входивших в их состав артефактов. В частности, 35,7% кладов рассматриваемого периода содержали 7 и более категорий предметов. Соответствующий показатель по IV периоду – лишь 7,7%. В период V-1 71,4% кладов включали более 22 изделий. Показатель по IV периоду – 23,1%.

Подводя итог рассмотрению кладов периода V-1, отметим, что данные комплексы демонстрируют большую «расточительность» как в смысле количества депонированных вещей, так и в смысле их разнообразия. Существенным является также то, что в период V-1 несколько возрастает удельный вес кладов, куда попадали предметы вооружения, и сильно увеличивается удельный вес кладов, в состав которых включались украшения. А вот ножи, кинжалы и долота стали закапываться реже.

Клады периода V-2

Учтено 15 кладов этого периода. Их основная масса по-прежнему сконцентрирована к западу от Днепра (рис. 5). На восточной территории найдено только 3 клада. При этом Знаменский клад, выявленный на севере Нижнего Поволжья, Н.М. Малов предложил отнести к выделяемой им хвалынской культуре [Малов 2014, с. 89]. Нижнепавловский клад происходит из Степного Приуралья. Памятники финала бронзы данного региона вследствие их недостаточной изученности очень осторожно можно включить в «хвалынско-саргарьинский круг валиковых культур» [Моргунова и др. 2001, с. 109]. Сабанчевский клад, по нашему мнению, следует связывать с маклашевской культурой.

Ростовский клад содержал вещи северокавказского происхождения, однако, скорее всего, он был депонирован представителями местного населения конца бронзового века. Комплекс выявлен в ареале памятников, которые мы склонны трактовать как финально-срубные [Подобед и др. 2012а, с. 224-225]. К этой же культуре можно отнести и клад из Кривого Кута. Клады из Староселья и Калантаевки, вероятно, зарыли носители белогрудовской культуры. Сложно определить культурную принадлежность клада из Дикого

Сада. Данный памятник относится к белозерскому времени, но на территории Николаевской области, где он находится, захоронения белозерской культуры нам не известны, хотя западнее и восточнее (в Одесской и Херсонской областях) они довольно многочисленны. Отсюда включать поселение Дикий Сад в массив древностей белозерской культуры преждевременно. Соответственно, и найденный на памятнике клад трудно однозначно атрибутировать. То же касается и другого клада с территории Николаевской области – Новогригорьевского. А вот Соколенский, Чеболакчийский, Каменский, Павловский, Аккерманский и Дремайловский клады связаны, скорее всего, именно с белозерской культурой.

Клад с поселения Дикий Сад был найден в жилище. Еще 2 клада – Павловский и Кривокутский происходят из курганов. Сведения об обстоятельствах находок других рассматриваемых комплексов у нас отсутствуют. Любопытный нюанс связан с Калантаевским кладом. Вещи, входившие в его состав, находились в сосуде [Leskov 1981, s. 20].

В период V-2 характер кладов принципиально изменился по сравнению с предшествующим временем (табл. 5). Главным новшеством явилось почти полное исчезновение серпов из их состава. Данные изделия присутствовали лишь в 1 из учтенных кладов – Ростовском. Основным компонентом наборов депонированных изделий стали топоры. Они находились в 14 из 15 комплексов (93,3%). Относительно часто в клады попадали долота (40,0% комплексов) и ножи (кинжалы) (40,0%). По сравнению с периодом V-1, более высоким стал удельный вес кладов, содержащих предметы вооружения. Последние выявлены в 8 комплексах (53,3%). В частности, в кладах из Сабанчеево, Дремайловки и Калантаевки присутствовали наконечники копий, в кладах из Дикого Сада – наконечник дротика, в кладах из Ростова и Соколень – кинжалы, в Аккерманском комплексе – боевые топоры, а в кладах из Чеболакчии – кинжал и секира.

Процент кладов, где присутствовали украшения, напротив, упал и составил 20,0%. И лишь в 1 клада находилась инсигния власти – булава. Добавим, что практически исчезли из кладов слитки металла. Они выявлены только в 1 комплексе.

Важным нюансом является то, что в период V-2 клады стали «беднее» и по числу категорий изделий, и по количеству вещей в составе комплексов. В частности, ни в одном из кладов не было 7 и более категорий артефактов. И только в 1 из кладов (6,6%) присутствовало более 22 предметов. По двум упомянутым показателям клады рассматриваемого периода значительно уступают не только комплексам периода V-1, но и комплексам III и IV периодов.

* * *

Итак, совокупность кладов эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы являлась довольно динамичной системой, которая на протяжении интересующего нас хронологического интервала трансформировалась и территориально, и в смысле приоритетов, отдававшихся тем или иным предметам при депонировании. Тем не менее, бросается в глаза наличие закономерностей, не имеющих узколокального и узкохронологического характера. Основные из них таковы:

I. Многие клады как восточной, так и западной территории включали одновременно и серпы, и топоры.

Даже если абстрагироваться от топоров тех типов, которые выступали сугубо в качестве оружия, можно констатировать, что связка «серп + топор» сохраняла свое значение на протяжении нескольких веков. В частности, ее демонстрировали 38,1% учтенных кладов II периода, 52,6% кладов III периода, 69,2% кладов IV и 71,4% кладов периода V-1. Лишь применительно к периоду V-2 кладов, где одновременно находились бы и серпы, и топоры, нам не известно. Это может быть объяснено резким сокращением использования бронзовых серпов в связи с кризисом металлопроизводства [Бочкарев 2012, с. 211]. Таким образом, имело место не только помещение серпов и топоров в большинство кладов, но и постепенное нарастание актуальности связки «серп + топор» вплоть до начала периода V-2. Нелишне добавить, что и за пределами рассматриваемой территории известны клады,

демонстрирующие корреляцию упомянутых орудий. К таковым относятся, например, некоторые северокавказские клады – Костромской [Лесков 1967, с. 169], Бекешевский [Лесков 1967, с. 172], Ахметовский [Марковин, Глебов 1979, с. 240-244], Второй Натухаевский [Новичихин 2012, с. 4], многие клады, происходящие с территории Центральной Европы [Hansen 1994a, Abb. 98, 5-9; 215-217; 1994b, Taf. 28-35; Хансен 2013a, с. 284], Южной Европы [Petrescu-Dimbovița 1977, pl. 21, 1-7; 23, 3-12; 27, 5-17; 29, 4-10; 30, 2-4; 36, 3-11; 37, 1-6 și alții], клад из Шамши (Киргизстан) [Кожомбердиев, Кузьмина 1980, с. 140].

На первый взгляд, существованию рассматриваемой закономерности можно дать очень простое объяснение. Серпы и топоры относились к важнейшим орудиям эпохи поздней бронзы [Никитин, Черняков 1981, с. 157; Бочкарев 2012, с. 211]. Соответственно, они пользовались большим спросом, их много производили, а вдобавок в силу своей металлоемкости эти орудия имели большую материальную ценность. В итоге при сокрытии богатств до лучших времен возможность попасть в клады была у серпов и топоров значительно выше, чем у других изделий. А коль скоро и серпы, и топоры оказывались в кладах довольно часто, то и вероятность их «встречи» в одном комплексе была значительной. Но, на наш взгляд, некоторые факты противоречат предложенному объяснению. Так, в кладах II периода, найденных на Южном Урале, содержались не менее 45 серпов и 6 топоров. Ножей в них не было. На исследовавшемся в данном регионе и относящемся к данному периоду поселении Горный-1, Оренбургская обл., РФ была выявлена серия литейных форм. Среди негативов, присутствующих на них, 12 служили для отливки серпов¹⁶, а 9 – ножей. Ни одного негатива топора на матрицах нет [Кузьминых 2004, табл. 5.2]. Материалы Горного-1 показывают, что серпы, действительно, играли важную роль в быту и пользовались большим спросом. Но почти таким же высоким, судя по негативам, являлся и спрос на ножи. Тем не менее, в синхронных южноуральских кладах последние нам не известны. Зато там присутствовали топоры. И при этом на Горном-1 их почему-то не отливали. Итак, ассортимент изделий, выявленных в кладах Южного Урала, не очень соответствует структуре спроса на металлические изделия, какой она вырисовывается при рассмотрении матриц.

В кладах Поволжья, относящихся ко II периоду, содержались более 41 серпа, не менее 7 топоров и 1 нож. Обращение к синхронным литейным формам, обнаруженным на данной территории, позволяет увидеть иную картину. Так, на матрицах с поселений Яковка I и Липовый Овраг, Самарская обл., РФ присутствуют негативы как минимум 5 ножей. Негативов серпов – 3 или 4. Явных негативов топоров нет вообще [Зудина, Кузьмина 1977, с. 69-70; Агапов, Иванов 1989, с. 138-139, 141]. На известных нам литейных формах из Нижнего Поволжья имеются 7 негативов ножей и 1 негатив серпа. Бесспорные негативы топоров отсутствуют, хотя в 3 случаях их наличие на матрицах можно допускать с той или иной долей вероятности [Лопатин, Хоркин 1997, с. 72, 74; Малов 2003, с. 129-130]. Таким образом, число ножей, использовавшихся в быту срубным населением Поволжья, превосходило суммарное количество применявшихся серпов и топоров. Отсюда можно сделать вывод о несоответствии ассортимента поволжских кладов структуре спроса. Вдобавок, если исходить из того, что частота встречаемости в кладах тех или иных изделий обуславливалось прежде всего масштабами их бытового использования, следует ожидать в составе депонированных наборов вещей восточной территории частого повторения связки «серп + нож». На самом же деле этого нет: данная связка встречена только единожды.

Для выяснения ситуации, имевшей место на западной территории, важны материалы поселений литейщиков Мосоловка, Воронежская обл., РФ и Усово Озеро, Донецкая обл., Украина, относящихся ко II периоду. На первом из них выявлено 140 литейных форм, служивших для изготовления топоров. Литейные формы серпов представлены 84 створками и 42 крышками. Матриц для производства ножей обнаружено 23 [Пряхин, Саврасов 1989, с. 40, 56, 67]. На втором поселении среди более или менее сохранившихся литейных форм 10

¹⁶ Автор публикации использует термин «секач».

предназначались для отливки топоров, 4 – для ножей и лишь 1 – для серпов [Березанская 1990, с. 60]. А из синхронных кладов западной территории происходят 26 серпов, 3 топора и 2 ножа. Приведенные данные позволяют обратить внимание на следующий момент. Серпы, которые в реальной жизни населения западной территории пользовались меньшим спросом, чем топоры (а на территории Среднего Подонцовья – даже меньшим, чем ножи), в кладах встречаются в несколько раз чаще топоров. К тому же, в кладах ни разу не встречена связка «топор + нож». А она неизбежно должна была бы хорошо проявляться, если бы клады являлись совокупностями случайно попавших под руку вещей.

Из сказанного о кладах II периода можно сделать два вывода:

1. Серпы попадали в клады чаще других изделий в силу того, что люди, отбравшие вещи для закапывания в землю, намеренно отдавали основное предпочтение именно этим предметам.

2. Возникновение в контексте кладов связки «серп + топор» являлось не столько следствием хозяйственной важности двух данных орудий, сколько результатом желания людей объединить серп и топор в рамках одного набора вещей.

Нелишне отметить и то, что при формировании кладов II периода, по крайней мере, в части случаев, соблюдались определенные количественные нормы. Так, во всех 3 кладах, где присутствовали ножи, последних было по 1. Топор тоже, как правило, оказывался в кладе в единственном экземпляре (7 комплексов из 10). Ситуация с серпами диаметрально противоположная. Лишь в 10,5% кладов, включавших эти изделия, находилось по 1 серпу. В прочих же их оказывалось 2 и более (до, примерно, 24).

Применительно к III периоду сравнивать структуру спроса на металлические изделия с составом кладов мы не беремся, поскольку затруднительно выделить достаточно репрезентативную сводку матриц, датирующихся данным временем. Однако, стоит обратить внимание на то, что «костяком» кладов продолжали оставаться серпы и топоры. Присутствие связки данных орудий или, по крайней мере, хотя бы одного из них, демонстрируют все учтенные комплексы III периода. При этом число серпов в кладах сильно варьирует, как это имеет место и в кладах II периода. А вот ситуация с топорами в III периоде принципиально иная, чем в предшествующее время. В кладах II периода, содержащих топоры, только в 30% случаев данных орудий было более одного. Соответствующий же показатель по III периоду – 75%. Ситуация с ножами в кладах III периода также отличается от той, которую демонстрируют более ранние клады. В половине комплексов III периода, где выявлены ножи, последних было более одного, тогда как в кладах II периода всегда находился 1 нож. Таким образом, можно видеть, что количественные нормы, если таковые соблюдались при формировании кладов, с течением времени могли меняться.

К IV периоду относится серия комплексов литейных форм. Все они происходят с западной территории. Из данных комплексов наиболее объемными по количеству и разнообразию категорий изделий являются наборы матриц из Красного Маяка, Одесская обл., Украина [Тереножкин 1965, с. 65-67], Днепро-Каменки [Гершкович 2005-2009, с. 579-583], Волошского [Бодянский 2006, с. 30-31], Днепропетровская обл., Украина и Андрово, Запорожская обл., Украина [Писларий, Будылкина 1982, с. 64-66]¹⁷. В перечисленных комплексах содержались 11 матриц для отливки кельтов, 7 – для изготовления серпов и 4 или 3 – для ножей. Учтенные нами клады IV периода, происходящие с западной территории, включали, примерно, 40 топоров, 53 серпа и 12 ножей. Таким образом, соотношение серпов и топоров в кладах противоположно тому, что демонстрируют матрицы (1,6:1 и 0,8:1 соответственно). Соотношение серпов и ножей составляет 1,8:1 или 2,3:1 применительно к матрицам и 4,4:1 применительно к кладам, т.е. интересующие нас показатели вновь очень разнятся. Лишь в случае с топорами и ножами данные показатели относительно близки:

¹⁷ В данной публикации, наряду с прочими литейными формами, описаны матрицы для отливки кинжала и копья (рис. 1, 3) и серпа (рис. 3, 1). На самом деле, они к этому комплексу не относятся [Шарафутдинова 1986, с. 106].

соотношение топоров и ножей в массиве матриц – 2,8:1 или 3,7:1, а в массиве кладов – 3,3%. Довольно интересна ситуация с украшениями. На рассматриваемых литейных формах присутствует 15 негативов изделий, которые с той или иной долей вероятности можно причислить к данному блоку вещей. Соотношение украшений и серпов составляет в случае с матрицами около 2,1:1. В случае же с кладами оно принципиально иное – 0,3:1. Словом, мы вновь видим, что показатель частоты встречаемости в кладах некоторых изделий не находится в прямой зависимости от степени их бытовой значимости. В частности, данный показатель по серпам оказывается значительно более высоким, чем следовало бы ожидать, будь депонирование кладов чисто прагматическим действием.

IV период интересен еще и тем, что, наряду со «связкой» «серп + топор», в массиве кладов ярко выражена еще одна – «серп + топор + нож (кинжал)». Данную «связку» демонстрируют 4 клада, т.е. 30,8% комплексов, причем можно констатировать, что роль этой связки с течением времени возрастала. Для сравнения, показатель по III периоду составляет 10,5%, а по II – только 4,8%.

В кладах IV периода становится весьма «актуальной» и связка «серп + топор + долото». Ее мы видим в 4 случаях (30,8% комплексов). Соответствующий показатель по III периоду – 15,8% или 10,5%¹⁸, а по II периоду – лишь 4,8%.

Комплексы литейных форм периода V-1 нам не известны. Соответственно, судить о структуре спроса на металлические изделия мы не беремся. Отметим лишь то, что клады данного периода демонстрируют, как отмечено выше, пик популярности связки «серп + топор». А вот связки «серп + топор + нож (кинжал)» и «серп + топор + долото» встречаются крайне редко. Первую демонстрируют только 2 клада (14,3%), а вторую – лишь 1 (7,1%). Вообще, в клады периода V-1 ножи, кинжалы и долота попадали намного реже, чем это имело место в предшествующем периоде. Поскольку трудно допустить, что данные изделия утратили свое бытовое значение, правомерным будет констатировать появление правил, мешавших включению трех названных изделий в состав наборов, предназначенных для депонирования.

К периоду V-2 относится довольно большое количество литейных форм. Главным образом, они выявлены в ареале белозерской культуры. Обобщение информации о негативах, присутствующих на матрицах из Кардашинки I, Кардашинки II, Ново-Александровки, Солохи [Лесков 1967, с. 146, 148-149], Цюрупинска [Отрощенко 1986, с. 137] и Завадовки [Гершкович, Ключко 1987, с. 103-111], Херсонская обл., Украина (ниже – массив V-2-м) и сопоставление их с металлическими изделиями из белозерских кладов¹⁹ (ниже – массив V-2-к) позволяет установить следующее. И в массиве V-2-м, и в массиве V-2-к преобладают кельты, причем удельный вес их почти одинаков: 30,8% и 29,4% соответственно. Довольно близка и частота встречаемости долот – 10,8% и 8,8%. На том, впрочем, сходство между массивами заканчивается. В частности, удельный вес ножей в массиве V-2-м – 21,5%, а в массиве V-2-к – 2,9%. Показатели по шильям – 7,7% (V-2-м) и 0,0% (V-2-к), по наконечникам копий – 10,8% (V-2-м) и 2,9% (V-2-к), по кинжалам – 1,5 (V-2-м) и 5,9% (V-2-к), по боевым топорам – 0,0% (V-2-м) и 8,8% (V-2-к), по браслетам – 3,1% (V-2-м) и 29,4% (V-2-к). Удельный вес предметов вооружения в обоих массивах относительно близок – 13,8% (V-2-м) и 17,6% (V-2-к). Зато показатели по орудиям труда очень различаются – 73,8% (V-2-м) и 44,0% (V-2-к). То же касается украшений – 12,4% (V-2-м) и 32,3% (V-2-к). Таким образом, клады белозерского времени демонстрируют повышенную частоту встречаемости украшений и пониженную – орудий хозяйственного использования. Все отмеченное позволяет сделать вывод, что при выборе вещей для депонирования люди данного периода не всегда руководствовались утилитарными соображениями;

¹⁸ Расхождение проистекает из того, что не вполне ясно, присутствовали ли долота в Лобойковском кладе.

¹⁹ При подсчетах не учитывались слитки.

II. Большинство кладов содержали изделия двух и более категорий.

Такие клады составляют 78,0% учтенных. Число комплексов, включавших изделия лишь одной категории, при этом неуклонно сокращалось с течением времени. В частности, среди кладов II периода такие комплексы составляют 38,1%. Показатель по III периоду – 21,1%, по IV – 15,4%, по периоду V-1 – 14,3%, а по периоду V-2 – 13,3%. Наличие отмеченной тенденции говорит о том, что люди намеренно старались все более разнообразить ассортимент депонируемых изделий. Отмеченный факт является важным свидетельством в пользу существования правил, влиявших на состав кладов. Вместе с тем, данный факт противоречит допущению, что в землю зарывались случайно «встретившиеся» изделия;

III. В кладах, где присутствовали предметы вооружения, последние, как правило, были представлены изделиями одной категории.

Данную закономерность демонстрируют 74,1% комплексов с оружием. Добавим, что в большей части кладов, где находилось оружие, оно было представлено лишь одной единицей (55,6% комплексов с оружием). На этот нюанс уже было обращено внимание в работе В.И. Никитина и И.Т. Чернякова [1981, с. 158]. По мнению авторов, эти предметы вооружения «нельзя относить собственно к составу кладов», ибо они могли являться «личным оружием» «торговых посредников» [Никитин, Черняков 1981, с. 158]. Данное предположение довольно интересно, но вызывает вполне резонное недоумение. Можно, конечно, представить себе торговца, который, оказавшись в опасной ситуации, прячет принадлежащий ему товар. Но зачем он при этом зарывает и свое оружие? Словом, входившие в состав кладов предметы вооружения не следует дистанцировать от остальных вещей из данных комплексов. А связанные с ними количественные закономерности – еще один аргумент в пользу того, что клады формировались по определенным правилам;

IV. При формировании кладов во многих случаях срабатывала оппозиция «чет – нечет».

Результаты наших подсчетов (табл. 6) показывают, что в большинстве случаев, комплектуя набор вещей для депонирования, люди предпочитали брать нечетное число вещей каждой категории. Во всяком случае, это справедливо применительно к большинству категорий. Таким образом, при формировании кладов обыгрывалась категория «нечет», а «чет» обычно избегался. Особенно ярко это проявляется в кладах II периода. Так, нечетное количество серпов выявлено в 12 кладах, а четное – только в 5. Нечетное число топоров находилось в 9 кладах, четное же не встречено ни разу. Тесла, долота, ножи, кинжалы и наконечники копий во всех кладах, где они присутствовали, были представлены нечетным количеством предметов. Даже слитки металла нечетным числом были представлены в 2 кладах, а четным – в 1. В последующие периоды «любовь» к нечету несколько уменьшилась, но вполне сохранилась. Лишь изредка предпочтение отдавалось чету. Например, в кладах IV периода 6 раз встречено четное число серпов и только 3 раза – нечетное, а в кладах периода V-1 8 раз встречено четное число топоров и только 5 – нечетное. Однако, все подобные случаи аномальны. Как правило, в рассматриваемых комплексах вещи большинства категорий оказались в нечетном количестве. Поскольку отмеченное явление демонстрируют комплексы всех периодов и почти все категории вещей, содержащихся в кладах, следует признать, что доминирование нечета над четом не является случайным. Объяснить, почему нечет был в данном случае популярнее чета, мы не беремся. Тем более, этнографические параллели здесь ничем не помогут, ибо культуры Евразии демонстрируют вариативность в отношении оппозиции «чет – нечет». Ограничимся лишь одним примером. У ираноязычных осетин в погребальной обрядности обыгрывалась четность [Цахилов, 2007, с. 364], а у ираноязычных же памирцев со смертью, напротив, ассоциировалась нечетность [Бабаева, 1993, с. 87, 118];

V. Часть вещей, входивших в состав кладов, демонстрирует повреждения.

Многие изделия из кладов сработаны или имеют незначительные повреждения, мешавшие функциональному использованию орудий. Вместе с тем, в кладах содержались и сильно поврежденные, в т.ч. фрагментированные, вещи. В частности, они присутствовали в

23,8% комплексов II периода²⁰. Соответствующий показатель по III периоду – 42,1%. При этом в Крыловском кладе испорченными являлись все изделия: оба серпа были согнуты, а у топора основательно изломано лезвие [Дергачев, Бочкарев 2002, с. 129, 131; Колотухин 2003, рис. 64, 25].

Среди кладов IV периода то или иное количество фрагментированных вещей присутствовало в 61,5% комплексов. Максимальное число подобных изделий было в Солонецком кладе (фрагментированы 61,1% всех артефактов), Пужайковском кладе (66,6%), Бугском кладе (100,0%). Стоит, однако, сделать следующее уточнение. Если рассматривать клады IV периода суммарно, можно обнаружить, что более 80% предметов являлись вполне годными для утилитарного использования, т.е. депонировались, в основном, целые вещи.

Из кладов периода V-1 поврежденные в той или иной степени изделия содержали 92,9%. Таким образом, можно констатировать, что от II периода к периоду V-1 практика помещения в клады испорченных вещей постепенно приобретала все большие масштабы. Впрочем, в период V-2 эта тенденция нарушилась: лишь 33,3% кладов данного периода включали изделия с нарушенной целостностью.

Важным нюансом является то, что в ряде случаев повреждения вещей из кладов явно не являются следствием утилитарного использования изделий. Так, в Таманском кладе 3 серпа были согнуты пополам. По мнению Н.И. Сокольского, эти предметы деформировали для того, чтобы их можно было более компактно поместить в сосуд [Сокольский 1980, с. 146]. В Крыловском кладе 1 серп был согнут пополам, а второй – втрое [Дергачев, Бочкарев 2002, с. 129, 131]. Заметим, что данный клад не находился в сосуде. Отсюда видно, что намеренное сгибание изделий вряд ли предопределялось необходимостью втиснуть вещи в небольшой объем. В пользу сказанного свидетельствуют и материалы Лобойковского клада. Здесь были согнуты некоторые иглы [Клочко 1998, рис. 12, 32, 35, 36, 39, 43, 45, 48]. Миниатюрные размеры данных орудий вовсе не требовали их деформации для помещения в крупный деревянный сосуд.

В состав Сосновомазинского клада входила большая серия изделий, относящихся к полуфабрикатами, т.е. необработанным заготовками, где сохранились затеки в швы матриц. В частности, таковыми являются 37 целых серпов и 8 фрагментов серпов [Дергачев, Бочкарев 2002, с. 49, 51, 52-53]. Фрагментация последних в ходе работы исключается, ибо они были технологически незавершенными орудиями. Отсюда правомерно считать, что часть изделий из клада была преднамеренно сломана.

На одном из фрагментов серпов, содержащихся в Князьгригорьевском кладе, как было замечено И.Т. Черняковым, имеются следы орудия, которым данный предмет был разбит [Черняков 1967, с. 33]. В.А. Дергачев, изучая артефакты из Еникийского клада, обратил внимание на довольно разнообразные следы преднамеренной порчи орудий. Так, на верхних краях втулок кельтов имелись глубокие зарубки [Дергачев 2010, с. 121-122]. Серпы из этого клада (как технологически завершенные, так и полуфабрикаты) были сломаны путем сгибания, причем перед данной операцией в местах будущих сломов, как правило, наносились удары тяжелыми предметами (острыми или тупыми) [Дергачев 2010, с. 122-124]. Таким образом, практиковалась как символическая порча орудий (насечки на кельтах), так и более радикальное нарушение целостности предметов (фрагментация серпов). Учитывая отмеченные факты, исследователь выдвинул вполне правомерное допущение, что «захоронение клада, вполне возможно, имело ритуальное назначение» [Дергачев 2010, с. 126]. Вероятно, и в состав других кладов входили изделия, намеренно поврежденные перед депонированием. Однако, установить это можно лишь в ходе трасологических исследований.

²⁰ Стоит уточнить, что во всех этих комплексах находились и целые – годные к использованию изделия, т.е. ни один из кладов не может быть трактован как совокупность металлического лома, собранного для переплавки.

В связи с проблемой присутствия в кладах вещей с нарушенной целостностью уместно обратить внимание на некоторые моменты (табл. 7):

1. На протяжении всего рассматриваемого хронологического интервала прослеживается тенденция нарастания удельного веса поврежденных предметов среди помещавшихся в клады серпов. Почти аналогична ситуация с ножами, но она фиксируется только до начала периода V-2;

2. Ситуация с топорами, похоже, была диаметрально противоположной, если не считать всплеска интереса к депонированию поврежденных и фрагментированных топоров в период V-1;

3. В IV периоде сильно возрос удельный вес поврежденных изделий среди попадавших в клады предметов вооружения, но затем последовало резкое угасание данной практики;

4. Среди украшений, помещавшиеся в клады, практически не было поврежденных предметов.

Нелишне заострить внимание на том, что в ряде кладов содержались своего рода антонимы изношенным и поврежденным вещам – технологически незавершенные изделия. Это – полуфабрикаты, т.е. отливки, не подвергшиеся последующей обработке (проковке и заточке).

Полуфабрикаты присутствовали в двух кладах II периода – Абзаковском (10 из 11 серпов) и т.н. «кладе Дубинина» (4 из 5 серпов).

Необработанные отливки входили в состав трех кладов III периода. В частности, таковыми являлись 2 из 7 серпов Бериславского клада, 1 из 2 серпов Крыловского клада, 1 из 11 серпов Щетковского клада, а также «лабрисы» из последнего комплекса.

Среди кладов IV периода полуфабрикаты содержал, насколько нам известно, лишь Сосновомазинский. Там, как отмечалось выше, было 37 целых и 8 фрагментированных заготовок серпов.

Технологически незавершенные серпы присутствовали и в 5 кладах периода V-1 – Еникийском, Ингульском, Князьгригорьевском, Ореховском и комплексе из Баху. Как можно видеть, в данном периоде практика депонирования полуфабрикатов испытала значительный всплеск. Обращает на себя внимание и то, что необработанные отливки из кладов перечисленных выше периодов являлись преимущественно заготовками серпов. Последний момент, как мы полагаем – яркое свидетельство того, что полуфабрикаты серпов имели очень высокую знаковую нагрузку, в отличие от заготовок других изделий. Соответственно, депонирование технологически незавершенных серпов едва ли может быть трактовано как банальное сокрытие сырья.

Период V-2 демонстрирует угасание традиции помещения в клады полуфабрикатов. В частности, явные заготовки находились лишь в комплексе из Каменки. Здесь были 2 прокованных слитка долотовидной формы (в т.ч. 1 фрагментированный). Возможно, технологически незавершенным является и наконечник копья из Сабанчевского клада. Судя по фотографии, приведенной в публикации [Мерперт 1965, рис. 1, 1], он не отточен;

IV. Значительная часть кладов была приурочена к объектам с высоким семиотическим статусом.

Относительно 8 кладов известно, что они выявлены в курганах. Вероятно, семантически тождествен кургану и холм, на склоне которого был найден Лозовский клад²¹. На поселениях обнаружены 4 клада, в т.ч. 3 выявлены в жилищах. Вне поселений и курганов найден 1 клад. Если абстрагироваться от остальных кладов, применительно к которым нет информации, были ли они найдены в курганах, на поселениях или – просто «в чистом поле», то можно

²¹ Отметим, что клад эпохи бронзы из Булленхайма (Германия) был обнаружен на горе [Хансен 2013, с. 284]. Семантическая тождественность кургана и горы (холма) хорошо известна.

констатировать, что чаще всего клады зарывались в курганах²². Следует отметить, что практика сокрытия кладов в курганах характерна не только для рассматриваемых культур эпохи бронзы. В частности, она имела место в предскифское время [Дубовская 1989, с. 68], у сарматов [Дзиговский, Островерхов 2010, с. 168]. Таким образом, распространенная у многих народов вера в то, что в курганах таятся сокровища (см., например: [Беовульф 1975, 3038-3086; Усачук и др. 2003, с. 45-48]), может восходить к эпохе бронзы, когда в данных сооружениях клады закапывали нередко.

Повышенную корреляцию кладов и курганов можно, конечно, объяснить тем, что курганная насыпь, будучи хорошим ориентиром на местности, являлась в силу этого удобным объектом для временного сокрытия ценностей. Но не следует забывать и о высокой знаковой нагрузке курганов. У многих народов они рассматривались как входы в потусторонний мир [Осетинские народные сказки 1973, с. 430], как обитель божеств, демонов, чудовищ и прочих чудесных существ [Осетинские народные сказки 1973, с. 66, 365, 514-516; Беовульф 1975, 3038-3086; Сага ... 1976, с. 30-31]. Отсюда правомерно допущение, что курганы и в эпоху бронзы считались локусами, где возможен контакт с высшими силами. Подтверждением такому допущению является присутствие на многих курганах и на площадках, где планировалось сооружение курганов, следов жертвоприношений (см., например: [Отрощенко 1990, с. 10-12; Цимиданов 2004б, с. 67-68])²³.

* * *

Осмысление рассмотренных выше закономерностей позволяет констатировать, что при формировании кладов (возможно, впрочем, и не всех) соблюдались некоторые нормы:

1. Отбирались изделия определенных категорий, причем некоторым из вещей отдавалось предпочтение. Очевидно, оно предопределялось не бытовой ценностью предметов, а величиной их знаковой нагрузки в данный период. То, что частота встречаемости в кладах отдельных изделий могла с течением времени возрастать или, напротив, падать, было, скорее всего, связано с повышением или, напротив, понижением семиотического статуса этих вещей в силу определенных причин;

2. Зачастую соблюдались определенные количественные нормы, в т.ч. обыгрывалась категория «нечет»;

3. Учитывалось состояние вещей. В частности, люди нередко депонировали технологически незавершенные орудия, поврежденные изделия и сильно сработанные, т.е., старые, вещи.

С. Хансен, рассматривая клады середины II тыс. до н.э., обнаруженные на территории между долиной Роны и Карпатами, констатировал существование «строгих правил организации» данных комплексов и сделал отсюда вывод, что эти клады являлись приношениями богам [Хансен 2013, с. 284]. Действительно, как показывает анализ религиозной практики многих народов, люди обычно придавали своим обращениям к божествам ритмическую форму, да и «речь богов» считалась ритмичной (см.: [Цимиданов 2004б, с. 58-59]). Отсюда любое жертвоприношение для его успеха следовало упорядочивать, нормировать. Конечно, те закономерности, которые мы проследили применительно к кладам юга Восточной Европы эпохи поздней бронзы, не вполне жестки, и, соответственно, правила, которыми руководствовались люди, закапывавшие клады, были не слишком строгими. Тем не менее, определенные правила составления наборов вещей, предназначенных для депонирования, все-таки существовали. Отсюда клады вполне правомерно трактовать как

²² Стоит добавить, что недалеко от с. Раздольное Донецкой обл. возле разрушенного строительной траншеей кургана был найден бронзовый наконечник копья [Братченко 1997, с. 128]. Очевидно, артефакт происходит из данного кургана. Нельзя исключать того, что наконечник входил в состав клада, разрушенного при распашке или прокладке траншеи.

²³ Д.П. Куштан предложил сходную трактовку кладов, находившихся в курганах. По мнению автора, данные клады могут являться жертвоприношениями [Куштан 2013а, с. 92].

«тексты». Но из такой интерпретации кладов вытекает вывод, что основная масса рассмотренных комплексов предназначались не живым людям, а представителям высших сил. Были ли связаны эти клады с институтом потлача, едва ли удастся когда-нибудь выяснить, поскольку трудно установить, кому принадлежал депонированный металл – отдельным лицам, или семьям, стремившимся повысить свой престиж, или же – общинам, которые руководствовались лишь целью принести жертву.

Ограниченный объем работы не позволяет детально остановиться на семантике вещей, попадавших в клады, и действий, субъектами которых данные вещи при этом являлись. Но о некоторых моментах, вероятно, предопределявших облик кладов, сказать вкратце все-таки стоит.

То, что в клады попало значительное количество серпов, очевидно, связано с большой обрядовой ролью этих орудий [Подобед и др. 2011б]. Вместе с тем, носитель производственной функции обозначается в Авесте термином, дословный перевод которого – «доставляющий траву скоту» [Кузьмина 1981, с. 107]. Следовательно, возможно допущение, что серпы в культурах, где скотоводство являлось основным занятием, ассоциировались прежде всего с разведением скота. Соответственно, они могли использоваться в обрядах, призванных снискать благополучие в этой сфере.

Присутствие в кладах намеренно поврежденных изделий вполне объяснимо, поскольку ритуальная порча вещей в ходе обрядов – широко распространенное явление как в древних, так и в современных обществах (см., например: [Цимиданов 2011б, с. 111-118; 2012, с. 49]). Применительно к поврежденным вещам из кладов уже высказана гипотеза, в соответствие с которой люди ритуально «умерщвляли» приготовленные для депонирования предметы, подобно тому, как убивали скот, приносившийся в жертву [Субботин, Агульников 2012, с. 188]. По другой версии, акт фрагментации вещей был связан с модусом «отдавания» и служил защитой от возвращения данных вещей в профанную сферу [Хансен 2013, с. 287]. Не менее вероятна и следующая гипотеза. Клад отправлялся в иной мир, а в том мире, как считалось, многие вещи поломаны (см.: [Цимиданов 2011б, с. 20-30]). Впрочем, однозначный ответ на данный вопрос едва ли возможен: носители различных культур, нарушая целостность вещей, могли руководствоваться разными мотивами.

Включение в контекст кладов сработанных орудий может быть объяснено тем, что у многих народов старые, изношенные вещи воплощали идею преемственности, передачи благ и ценностей от одного поколения к другому, а потому широко использовались в обрядах [Байбурин 1992, с. 22]. Помещение в клады незавершенных изделий также находит параллели в обрядовой практике. Это явление, по одной из гипотез, предопределялось существованием положительного отношения ко всему тому, что не имеет конца и, соответственно, относится к области вечного [Иванова 2001, с. 78]. Возможно и другое (более простое) объяснение фактам депонирования заготовок орудий, изношенных и поврежденных изделий. Все они могли рассматриваться как «антонимы» технологически завершенных и годных к использованию вещей. Соответственно, упомянутые предметы могли ассоциироваться с иным миром, ибо в нем, согласно верованиям многих народов, все наоборот [Косарев 1981, с. 248-250; Цимиданов 2001-2002, с. 379].

Итак, на наш взгляд, клады, зарытые в землю носителями культур эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы, являются по большей части жертвоприношениями богам. При этом (по крайней мере, в основной своей массе) клады представляют собой «тексты», сформированные по определенным правилам. Предлагаемая нами интерпретация не является принципиально новой: она вполне соответствует вотивному подходу. Но, во всяком случае, мы попытались привести в защиту своих построений некоторые аргументы, которые делают вотивную гипотезу происхождения кладов рассматриваемой территории более убедительной. Специального изучения заслуживают вопросы об «адресатах», которым предназначались рассмотренные «тексты», и вопрос о семантике конкретных знаков, из которых данные «тексты» формировались.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблицы

Клады	Категории вещей в кладах				
	Серп	Топор	Тесло	Нож, кинжал	Прочие
Восточная территория					
Абзаковский	11*	--	--	--	--
Бахчинский	10	--	1	--	1 слиток металла; 1 каменный пест; 1 ф-т плиты с заполированной стороной
Васильевский	1	1 (висл.**)	--	--	1 слиток металла
Клад Веселовского	--	1 (висл.)	--	--	1 наконечник копья; 1 «прямой серп»; 1 «кривой нож»; 1 долото
Волостниковский	5	--	--	--	--
Клад Дубинина	5	--	--	--	--
Ерыклинский	6	1 (висл.)	--	1 (нож)	--
Ибракаевский	11	1 (висл.)	1	--	--
Ильдеряковский	24? (в т.ч., как минимум, 1 фрагм.***)	Несколько (кельты и 1 висл.(?))	--	--	Наконечники копий (?); 1 наконечник дротика (?); долота; 2 слитка металла
Ильдеряковский (клад Москательникова)	1	3 (висл.)	1	--	1 наконечник копья; 1 «черешковое копье» (нож?); 2 бронзовые «ножевидные пластины»
Лебяжбинский	5	--	--	--	--
Маерский	1	1	--	--	--
Миловский	6 или 8	1	1	--	--
Новокрасноярский	Несколько	--	--	--	1 каменная матрица для отливки серпов
Тимофеевский	--	1	--	1 (кинжал)	--
Западная территория					
Байракский	2	--	--	--	--
Бородаевский	3	--	--	--	--
Казанский	5	--	--	--	--
Коблевский	11 (целые и фрагм.)	3 (висл., фрагм.)	--	--	--
Старобыковский	3	--	1	1 (нож)	--
Ульяновский	2 (целый и фрагм.)	--	1	1 (нож)	--

Примечания: * число предметов; ** вислообушный топор; *** фрагментированный

Табл. 1. Состав кладов II периода

Клады	Категории вещей в кладах			
	Серп	Топор	Нож, кинжал	Прочие
Восточная территория				
Дербедневский	6	4 (кельты)	--	1 долото; 1 бритва; 1 бляха
Кармановский	3	--	1 (кинжал)	1 наконечник копья
Овсянковский	5 (в т.ч. 1 фрагм.)	--	--	--
Перелюбский	16 (в т.ч. 1 фрагм.)	--	--	--
Приморский	8	--	--	--
Западная территория				
Бериславский	7	7 (висл.)	--	42 фрагмента слитков
Благовещенский	1	2 (кельты)	--	1 долото
Борисовский	1	--	1 (нож)	1 крюк
Карачевский	Несколько	1 (кельт)*	--	1 наконечник копья; 1 неопределенный бронзовый предмет
Кабаковский	6	3 (кельты)	1 (нож)	--
Крыловский	2	1 (висл.)	--	3 слитка
Лобойковский	8? (в т.ч. 6 фрагм.)	6 (кельты)	16 (ножи; 7 фрагм.)	2 наконечника стрел; 1 ф-т наконечника копья; 3 «клевец» (долота?); 2 тесла; 4 крюка (в т.ч. 1 фрагм.); 8 «рыболовных крючков»; 19 шильев; 17 игл; 1 бритва; 12 оковок от деревянных сосудов; 1 кольцо; 1 подвеска; 1 каменный абразив
Нижнехортицкий	3 (в т.ч. 1 фрагм.)	2 (кельты)	--	«Кусочки металла»
Полушкинский	2	--	--	--
Самарский	3 (фрагм.)	9? (висл.; 5 фрагм.)	--	--
Таманский	35 (в т.ч. 14 фрагм.)	--	9 (ножи; 3 повреждены)	3 тесла (в т.ч. 2 фрагм.); 1 изделие из металлической пластины; Около 10 слитков (в т.ч. 9 фрагм.)
Терешковский	3	2 (кельты)	--	1 бритва
Трехизбенский	--	1 (кельт)	--	1 долото
Щетковский	11 (в т.ч. 1 фрагм.)	7 («лабрисы»; 1 фрагм.)	--	--

* Примечание: в литературе фигурирует также как «мотыга» [Шрамко 1962, с. 116, 118], что неверно

Табл. 2. Состав кладов III периода

Клады	Категории вещей в кладах				
	Серп	Топор	Долото	Нож, кинжал	Прочие
Восточная территория					
Сосновомазинский	58? (в т.ч. 5 фрагм.)	4 (кельты)	1	5 (кинжалы; 2 повреждены)	1 слиток металла
Западная территория					
Авраамовский	10 (в т.ч. 1 фрагм.)	3 (кельты; 2 фрагм.)	1?	--	3 тесла; 2 браслета
Бугский	8 (фрагм.)	1 (кельт; фрагм.)	--	3 (ножи; фрагм.)	1 наконечник копья (фрагм.)
Добрянковский	--	--	--	2 (ножи; 1 разломан)	1 наконечник копья; 2 слитка металла
Кодрянковский	1	1 (кельт)	1	--	2 шила
Козорезовский	12	2 («лабрисы»)	--	--	1 каменная ступка
Курлозский	3 (в т.ч. 1 разломанный)	24 (в т.ч. 22 кельта и 2 топора с шайбой на обушке)	1	--	5 слитков металла; 1 «цепочка»
Лозовский	8 (в т.ч. 1 поврежденный)	1 (кельт)	1	7 (кинжалы; 3 фрагм.)	1 наконечник копья; 1 «молот-навершие»; 2 навершия; 1 навершие? (фрагм.); «конические предметы на подставках» (в т.ч. 5 более или менее целых и 3 фрагмента)
Маячкинский	--	6-7 (кельты)	--	--	--
Молештский	--	--	--	--	2 котла
Пужайковский	2	1 (кельт)	--	--	--
Солонецкий	6 (фраг.)	1? (кельт)	--	7? (ножи; 5 поврежденных)	2 булавки; 1 подвеска; 1 бляшка
Христинский	3	4 (кельты)	--	--	1 слиток металла

Табл. 3. Состав кладов IV периода

Клады	Категории вещей в кладах		
	Серп	Топор	Прочие
Западная территория			
Клад из Баху	9 (в т.ч. 5 фрагм.)	8 (кельты; 2 фрагм.)	3 долота; 1 тесло; 3 острия неопределенных предметов; 1 рыболовный крючок; 2 браслета; 1 бляшка; 5 кусков зашлакованного металла; 1 каменный пест
Бециловский	5 (в т.ч. 1 поврежденный)	2 (кельты)*	--
Еникеойский	Около 16 (в т.ч. 3 разломанные на части, и 13 фрагм.)	3 (кельты; следы намеренных повреждений)	3 слитка
Журавлинский	7 (в т.ч. 6 фрагм.)	6 (3 кельта (2 фрагм.); 2 топора с шайбой на обушке; 1 топор с гребнем на обушке)	1 слиток
Ингульский	87 (в т.ч. 4 фрагм.)	13 (кельты)	2 кинжала; 2 изделия неясного назначения; 2 браслета; 2 подвески; 20 слитков
Князьгригорьевский	12 (в т.ч. 10 фрагм.)**	4 (кельты; 1 фрагм.)**	23 ф-та от 1 слитка
Медведицкий	--	2 (кельты; 1 фрагм.)	--
Мельниковский	--	2 (кельты)	--
Никопольский	17 (в т.ч. 15 фрагм.)	1 (топор с шайбой на обушке)	2 наконечника копья; 1 тесло; 2 булавки; 3 браслета; 1 поясная пряжка (?); 1 бляха; 2 предмета неясного назначения
Новопавловский	2 (фрагм.)	--	1 тесло; ф-ты от 1 слитка
Новотроянский	15 (в т.ч. 2 фрагм.)**	9 (кельты)**	1 наконечник копья
Ореховский	17	5 (4 кельта (1 фрагм.); 1 топор с шайбой на обушке)	1 ф-т изделия неясного назначения; 7 слитков и сплесков
Райгородский	6 (в т.ч. 1 сломан пополам и 3 фрагм.)	6 (5 кельтов (2 фрагм.); 1 топор с шайбой на обушке (представлен лишь шайбой))	1 нож (фрагм.); 1 бронзовая булава; 2 ф-та меча (?); 1 булава; 3 ф-та пластины неясного назначения (браслет (?) из биллона); 14 слитков
Клад из Хечул Ноу	3 (в т.ч. 1 поврежденный)	4 (кельты)	1 молоточек; 1 навершие (?); 1 кольцо; 6 бляшек; 7 ф-тов изделий неясного назначения

Примечания: * первоначально в кладе было более 40 изделий, в т.ч. бронзовая антропоморфная фигурка; ** первоначально, вероятно, их было больше

Табл. 4. Состав кладов периода V-1

Клады	Категории вещей в кладах			
	Топор	Долото	Нож, кинжал	Прочие
Восточная территория				
Знаменский	1 (кельт)	1	--	--
Нижнепавловский	1 (кельт; фрагм.)	1	--	--
Сабанчеевский	3 (кельты; у 1 отломаны ушки)	--	4 (ножи; 3 фрагм.)	1 наконечник копья; 1 булавка; 1 гривна
Западная территория				
Аккерманский	2 (колхидского типа)	--	--	--
Клад из Дикого Сада	13 (кельты)	--	1 (нож; фрагм.)	1 наконечник дротика
Дремайловский	1 (кельт)	1	--	1 наконечник копья; 1 бронзовая «чашечка»
Калантаевский	1 (кельт)	--	--	1 наконечник копья
Каменский	1 (кельт)	1	--	1 гарпун; 2 слитка долотовидной формы (в т.ч. 1 фрагм.); 1 растиральник-отбойник из песчаника; 1 изделие из кремневой пластины
Кривокутский	2 (кельты)	--	--	--
Новогригорьевский	4 (кельты)	--	1 (нож)	10 (?) браслетов; 1 спиральная «пронизь»
Павловский	1 (кельт)	--	--	1 бронзовая чаша
Ростовский	--	--	1 (кинжал)	48 серпов (20 в той или иной степени повреждены, 2 фрагм.); 4 тесла; 1 бронзовая булава
Соколенский	3 (кельты)	1	1 (кинжал)	--
Старосельский	7 (кельты)	1	--	1 браслет
Чеболакчийский	1 (секира)	--	1 (кинжал)	--

Табл. 5. Состав кладов периода V-2

Категории изделий	Периоды									
	II		III		IV		V-1		V-2	
	Чет	Нечет	Чет	Нечет	Чет	Нечет	Чет	Нечет	Чет	Нечет
Серпы	5*	12	6	10	6	3	3	8	1	--
Топоры (в т.ч. боевые)	--	9	5	6	4	5	8	5	3	11
Тесла	--	4	--	1	--	1	--	3	1	--
Долота	--	1	--	4	--	3	--	1	1	6
Ножи, кинжалы	--	2	1	4	1	3	1	1	1	5
Наконечники копий	--	2	--	3	--	3	1	1	--	4
Бритвы	--	--	--	3	--	--	--	--	--	--
Крюки	--	--	1	1	--	--	--	--	--	--
Слитки	1	2	1	1	1	3	1	5	1	--

* Примечание: число кладов данного периода, где было соответствующее (четное или нечетное) число изделий этой категории

Табл. 6. Проявления оппозиции «чет – нечет» в кладах

Категории и блоки изделий	Периоды				
	II	III	IV	V-1	V-2
Серпы	7,9	16,4	19,8	33,7	45,8
Топоры *	18,8	13,2	6,7	19,3	5,3
Ножи	0,0	38,5	75,0	100,0	66,7
Оружие	16,7	15,4	31,6	16,7	0,0
Украшения	--	0,0	0,0	4,3	0,0

* Примечание: без учета явных боевых

Табл. 7. Удельный вес сломанных и поврежденных предметов среди изделий некоторых категорий и блоков (%)

Список учтенных кладов

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА

1. Клад из Баху [Дергачев 2012а, с. 156-160];
2. Клад из Еникиоя [Дергачев 2010, с. 120-126];
3. Клад из Кодрянки [Дергачев 2012б, с. 161-162];
4. Клад из Лозовой [Дергачев 1972; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 203-204, 247];
5. Клад из Молешт [Leskov 1981, s. 19];
6. Клад из Соколеня [Leskov 1981, s. 20];
7. Клад из Хечул Ноу [Гончарова 2001-2002, с. 582-586];
8. Клад из Христича [Дергачев 1975, с. 10; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 246];
9. Клад из Чеболакчии-Викторовки [Дергачев 1975, с. 22];

УКРАИНА

Одесская обл.

10. Клад из Аккермана [Ванчугов 1990, с. 94];
11. Клад из Бецилово [Черняков 1968; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 211, 244];
12. Клад из Каменки [Субботин, Агульников 2012, с. 182-183, 185, 188];
13. Клад из Ново-Троян [Субботин, Черняков 1982; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 205, 218-219, 248, 270];
14. Клад из Павловки [Ванчугов 1990, с. 95];
15. Клад из Пужайково [Черняков 1985, рис. 59, 16-18; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 250];

Николаевская обл.

16. Клад из Антоновки (т.н. «Ингульский клад») [Сымонович 1966; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 200-202, 210-211, 221, 240-244, 286];
17. Клад из Бугского IV [Гошко 2008];
18. Клад из Дикого Сада, помещение 18 [Горбенко и др. 2009, с. 20, рис. на с. 14];
19. Клад из Кobleво [Tallgren 1926, fig. 82, 4, 5, 9, 12; Лесков 1967, с. 158; Черняков 1967, с. 29-31; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 125, 152, 153, 156];
20. Клад из Козорезово [Tallgren 1926, fig. 97; Черных 1976, с. 96; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 263];
21. Клад из Курячьих Лоз (т.н. «Курлозский клад») [Никитин, Черняков 1981; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 224];
22. Клад из Новогригорьевки [Tallgren 1926, s. 162, fig. 94; Черняков 1985, рис. 66, 1-16];
23. Клад из Ульяновки [Leskov 1981, s. 19, taf. 4; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 72, 78; Бочкарев 2012, с. 199];

Киевская обл.

24. Клад из Медведовки [Тереножкин 1961, рис. 83, 7, 8];

Черкасская обл.

25. Клад из Мельниковки [Leskov 1981, s. 17, taf. 4, 1, 2];
26. Клад из Староселья [Телегин 1982, с. 223-224];

Кировоградская обл.

27. Клад из Добрянки [Leskov 1981, s. 18, taf. 4, D, 1-3];
28. Клад из Добрянки (г.н. «Щетковский клад») [Tallgren 1926, s. 162, fig. 95; Дергачев, Бочкарев, 2002 с. 106, 258-259, табл. 114; Бандрівський 2007, с. 47];
29. Клад из Журавлинка [Черных 1976, табл. 16-IV; Шарафутдинова 1982, рис. 32; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 221, 225];
30. Клад из Калантаевки [Бокий 1968, с. 125; Leskov 1981, s. 20];

Черниговская обл.

31. Клад из Старого Быкова [Дергачев, Бочкарев 2002, с. 75, 116, 118, табл. 104, А; Куштан 2013б, с. 133-134];

Полтавская обл.

32. Клад из Байрака [Гавриленко, Супруненко 2001, с. 87];
33. Клад из Кабаковских хуторов [Tallgren 1926, fig. 96; Лесков 1967, с. 165; Клочко 1998, с. 227; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 95-96];

Днепропетровская обл.

34. Клад из Борисовки [Leskov 1981, s. 14; Клочко 1998, с. 232; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 93];
35. Клад из Бородаевки [Кривцова-Гракова 1955, с. 147; Черных 1976, табл. 16-IV; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 69];
36. Клад из Кривого Кута [Лесков 1967, с. 158-159; Черных 1976, с. 88];
37. Клад из Лобойково [Черных 1976, с. 24; Leskov 1981, taf. 2, 6-13; Клочко 1998, с. 227, 232; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 96];
38. Клад из Маячек [Черных 1976, с. 39, табл. 16-IV];
39. Клад из Никополя [Tallgren 1926, s. 147, fig. 80; Черных 1976, с. 90, табл. 16-IV; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 224, 281, 287];
40. Клад из Новопавловки [Tallgren 1926, s. 146, 148, fig. 81; Добровольський, Канівець 1957, с. 97];

Запорожская обл.

41. Клад из Авраамовки [Черных 1976, табл. 16-IV; Шарафутдинова 1982, рис. 43; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 116, 194-196, 244];
42. Клад из Благовещенки [Клочко 1998, с. 232; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 93; Kaiser, Popandopulo 2004, s. 19];
43. Клад из Нижней Хортицы [Клочко 1998, с. 232; Попандопуло 1999, с. 14; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 96, табл. 106, В; Kaiser, Popandopulo 2004, s. 22];
44. Клад из Орехово [Черных 1976, с. 34, табл. 16-IV; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 219, 270, 273; Kaiser, Popandopulo 2004, s. 7-8];

Херсонская обл.

45. Клад из Берислава [Добровольський 1948; Лесков 1967, с. 167, 169; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 138, 140, 168];
46. Клад из Дремайловки [Бочкарев 2008, рис. 4, 2-5];
47. Клад из Князь-Григорьевки [Черняков 1967, с. 31-33; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 217-218, 223-224];
48. Клад из Солонца [Тереножкин 1965, с. 68; Черных 1976, с. 38; табл. 7; 16-IV; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 224, 248];

Крым

49. Клад из Крыловки [Дергачев, Бочкарев 2002, с. 128-129, 131; Колотухин 2003, с. 45, 56];

Харьковская обл.

50. Клад из Карачевки [Шрамко 1962, с. 116, 118; Берестнев 2001, с. 96];

Луганская обл.

51. Клад из Райгородки [Лесков 1967, с. 159-160; Черных 1976, с. 40; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 219, 224, 248, 287; Ключнева 2005];
52. Клад из Трехизбенки [Писларий, Филатов 1972, рис. на с. 82, 5, 13; Клочко 1998, с. 232];

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Воронежская обл.

53. Клад из Терешково [Пряхин и др. 1981; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 93];

Ростовская обл.

54. Клад из Казанской [Рогудеев 1997; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 69-71];
55. Клад из Полушкина [Ильюков 2004а, с. 123-126];
56. Клад из Ростова-на-Дону [Дергачев, Бочкарев 2002, с. 129, 142-143, 148-150, 172-173; Ильюков 2002, с. 78-79; 2004б, рис. 40, 2];
57. Клад из Самарского [Бочкарев 1972; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 140, 157, 179];

Краснодарский край

58. Клад из Батарейки (т.н. «Таманский клад») [Сокольский 1980; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 89, 128, 130-131, 158-159, 178];

Татарстан

59. Клад из Дербеденя [Дергачев, Бочкарев 2002, с. 89, табл. 104, В];
60. Клад из Ерыклы [Дергачев, Бочкарев 2002, с. 31, 65, табл. 103, А];
61. Клад из Ильдеряково [Обыденнов 1996, с. 106; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 77];
62. Клад из Ильдеряково (т.н. «Клад Москательникова») ²⁴ [Сальников 1967, с. 41; Обыденнов 1996, с. 107];
63. Т.н. «Клад Дубинина» [Обыденнов 1996, с. 107];
64. Клад из Карманово [Обыденнов, Хузин 1992, с. 30, 34-36; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 89-90];

Мордовия

65. Клад из Сабанчеево [Мерперт 1965];

Ульяновская обл.

66. Клад из Волостниковки [Тихонов 1960, с. 68; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 67];

Самарская обл.

67. Клад из Ново-Красноярского [Обыденнов 1996, с. 108; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 64];

Саратовская обл.

68. Клад из Знаменского [Бочкарев 2008, с. 245];
69. Клад из Перелюба [Памятники... 1993, с. 88; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 102-103];
70. Клад из Сосновой Мазы [Черных 1966; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 49, 51-53, 55-56];

Волгоградская обл.

71. Клад из Приморска [Сергацков 1995; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 92];

Оренбургская обл.

72. Клад из Васильевки [Обыденнов 1996, с. 108];
73. Т.н. «Клад Веселовского» [Сальников 1967, с. 43²⁵; Обыденнов 1996, с. 109];
74. Клад из Маерского (Васильевки) [Обыденнов 1996, с. 109; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 72];
75. Клад из Нижней Павловки [Бочкарев 2008, с. 247];
76. Клад из Овсянок [Кривцова-Гракова 1955, с. 62-63; Обыденнов 1996, с. 108; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 72, 78, 102];

Башкортостан

77. Клад из Абзаково [Обыденнов 1996, с. 109; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 43];
78. Клад из Бахчи [Обыденнов 1989, с. 85-87; 1996, с. 108; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 62-64];
79. Клад из Миловки [Сальников 1967, с. 154; Обыденнов 1996, с. 107; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 67];
80. Клад из Нового Ибрака (т.н. «Ибракаевский клад») [Ахмеров 1955, с. 81; Сальников 1967, с. 154; Обыденнов 1996, с. 108; Дергачев, Бочкарев 2002, с. 65-66];

Челябинская обл.

81. Клад из Лебяжьего VI [Петрова 2004, с. 189, 204-205; Епимахов 2012, рис. 1, 1-5];
82. Клад из Тимофеевки [Обыденнов 1996, с. 109].

²⁴ Нельзя исключать того, что комплексы, фигурирующие в литературе как «Ильдеряковский клад» и «Клад Москательникова», на самом деле являются совокупностями вещей, происходящих из одного и того же клада, однако, эта проблема нуждается в специальном исследовании.

²⁵ Исследователь усомнился в том, что данный набор вещей является кладом.

Циміданов В.В.

СКАРБИ ДОБИ ПІЗНЬОЇ БРОНЗИ ПІВДНЯ СХІДНОЇ ЄВРОПИ ЯК «ТЕКСТИ»

Статтю присвячено розгляду скарбів півдня Східної Європи, котрі датуються добою пізньої бронзи. Питання щодо причин, котрі змушували людей цієї доби закопувати скарби у землю, є дискусійним. У ХІХ-ХХ століттях сформувалися три підходи до цієї проблеми. Відповідно до **економічного** підходу, вироби з металу, котрі були цінними у матеріальному плані, накопичувалися та ховалися у землі для кращого збереження. **Вотивний** підхід тлумачить скарби як жертвопринесення. **Вотивно-соціальний** підхід припускає, що скарби є жертвопринесеннями, котрі робила соціальна верхівка для підвищення свого престижу. Для розгляду проблеми ми використали інформацію про 82 скарби, котрі було знайдено на теренах степу та лісостепу від Південного Уралу на сході до р. Прут на заході. Ці скарби є пов'язаними із різними археологічними культурами (зрубна, сабатинівська, Ноуа, білогрудівська, білозерська та деякі інші). Комплекси металевих артефактів було розділено на 5 хронологічних груп за схемою В. Дергачова та В.С. Бочкарьова [2002]. Скарби розглядалися у межах двох територіальних масивів – східного (Південний Урал та Поволжя) та західного (територія, розташована на захід від Поволжя). У результаті аналізу скарбів було зроблено низку спостережень, найважливіші із котрих наступні: а) багато скарбів як східної, так і західної територій містили одночасно і серпи, і сокири; це є наслідком не стільки господарського значення даних знарядь, скільки результатом бажання людей об'єднати серп та сокиру у рамках одного набору речей; б) більшість скарбів містила речі двох та більшої кількості категорій; це свідчить про те, що люди намагалися зробити склад скарбів більш різноманітним; в) склад скарбів демонструє певні кількісні закономірності; г) багато речей у скарбах було навмисно пошкоджено; г) значна частина скарбів була закопана у місцях з високим семіотичним статусом. Усе зазначене дозволяє зробити висновок, що скарби формувалися за певними правилами. Відтак їх можна розглядати як «тексти» із точки зору семіотики.

Ключові слова: пізній бронзовий вік, південь Східної Європи, скарби, металеві вироби, жертвопринесення, семантика.

Tsimidanov V.V.

DEPOSITS OF THE LATE BRONZE AGE OF SOUTHEASTERN EUROPE AS «TEXTS»

The article is devoted to the Late Bronze Age deposits of Southeastern Europe. The question about the reasons why people of this epoch to buried deposits in the ground is actively discussed. Three approaches to solve this problem were formed in 19th and 20th century. According to the **economic** approach, metal objects valuable in material terms were collected and hidden in the ground for better safety. **Votive** approach interprets deposits as sacrifices. **Votive-social** approach assumes that deposits are the sacrifices have been made by social elite in order to enhance their prestige. In order to study the issue, we used information on 82 deposits that were found on the territory of the steppe and forest-steppe from the Southern Urals in the east to the Prut river in the west. The deposits are associated with different archaeological cultures (Timber Grave, Sabatynivka, Noua, Bilogrudivka, Bilozirka and others). The complexes of metal artifacts were divided into 5 chronological groups according to the scheme of V. Dergachev, and V. Bochkharev [2002]. The deposits were analyzed within two macro-areas – the East (Southern Urals, Middle and Lower Volga) and the West (to the west of Volga). Several conclusions were made in the result of our analysis. The most important of them are the following. a) Many deposits coming from either eastern or Western territories simultaneously included hammers and axes. This is interpreted rather as the result of people's desire to combine the hammer and the axe in one set of things, than a simple economic importance of the tools. b) Most of the deposits contained things of two or more categories. This suggests that people tried to make the deposits more diverse in composition. c) The composition of deposits itself shows some quantitative regularities. d) Many things in deposits were intentionally damaged; e) A significant number of deposits was buried in a place with high semiotic status. All this allows the conclusion that the deposits were formed according to certain rules. Thus, they can be considered as «texts» from the point of view of semiotics.

Keywords: Late Bronze Age, Southeastern Europe, deposits, metal objects, sacrifice, semantics.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А.** Металлообрабатывающий комплекс поселения Липовый Овраг / С.А. Агапов, А.Ю. Иванов // Поселения срубной общности. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – С. 133-143.
- Агульников С.** Кинжал «киммерийского типа» из окрестностей с. Севериновка / С. Агульников, С. Иванова // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. V, nr. 2. – Chişinău, 2010. – S. 151-157.
- Археология Украинской ССР:** в 3 т. – Т. 1. – К.: Наук. думка, 1985. – 568 с.
- Ахмеров Р.Б.** Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии / Р.Б. Ахмеров // КСИИМК. – 1955. – Вып. LIX. – С. 81-90.
- Бабаева Н.С.** Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX века) / Н.С. Бабаева. – Душанбе: Дониш, 1993. – 156 с.
- Байбурин А.К.** Ритуал: между биологическим и социальным / А.К. Байбурин // Фольклор и этнографическая действительность. – СПб.: Наука, 1992. – С. 18-28.
- Балонов Ф.Р.** Этюд о кладах / Ф.Р. Балонов // Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л., 1991. – С. 315-337.
- Бандрівський М.** Клепані «казани» і дволезі сокири: щодо витоків релігійних уявлень на заході українського лісостепу в пізній період епохи бронзи / М. Бандрівський // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – Вип. 11. – Львів, 2007. – С. 38-64.
- Беовульф** // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 27-180.
- Березанська С.С.** Бронзовий вік на Україні / С.С. Березанська. – К.: Наукова думка, 1964. – 71 с.
- Березанская С.С.** Первые мастера-металлурги на территории Украины / С.С. Березанская // Первобытная археология – поиски и находки. – К.: Наук. думка, 1980. – С. 243-256.
- Березанская С.С.** Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце / С.С. Березанская. – К.: Наук. думка, 1990. – 150 с.
- Берестнев С.И.** Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С.И. Берестнев. – Харьков: ПФ Амет, 2001. – 264 с.
- Бодяньський О.В.** Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947-1948 рр. (АП УРСР, 1952. т. IV) / О.В. Бодяньський // Археологічна спадщина О.В. Бодяньського (До 90-річчя від дня народження). – Запоріжжя, 2006. – С. 25-38.
- Бокий Н.М.** Новые находки на Кировоградщине / Н.М. Бокий // АИУ 1967 г. – К.: Наук. думка, 1968. – С. 121-125.
- Бородинский клад** / Сост. Т.Б. Попова. – М.: ГИМ, [б/г]. – 20 с.
- Бочкарев В.С.** К истории металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье / В.С. Бочкарев // Домашние промыслы и ремесло. – Л., 1970. – С. 7-10.
- Бочкарев В.С.** Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл. / В.С. Бочкарев // КСИА. – 1972. – Вып. 132. – С. 87-89.
- Бочкарев В.С.** Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) / В.С. Бочкарев // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы: Матер. конф. (Саратов, 21-25 авг. 1995 г.). – СПб., 1995. – С. 18-29.
- Бочкарев В.С.** Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы / В.С. Бочкарев // Клады: состав, хронология, интерпретация. – СПб., 2002. – С. 45-54.
- Бочкарев В.С.** Знаменская находка / В.С. Бочкарев // АВЕС. – Вып. 6. – Саратов: Научная книга, 2008. – С. 245-252.
- Бочкарев В.С.** Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы / В.С. Бочкарев. – СПб.: Инфо Ол, 2010. – 231 с.
- Бочкарев В.С.** К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы / В.С. Бочкарев // Российский археологический ежегодник. – № 2. – СПб.: Университетский издательский консорциум, 2012. – С. 194-213.
- Бочкарев В.С.** Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей / В.С. Бочкарев, П.Ф. Кузнецов // Кони и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 2010. – С. 292-243.

- Бочкарев В.С.** Основные этапы развития щитковых псалиев Северной Евразии / В.С. Бочкарев, П.Ф. Кузнецов // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). – Самара: ПГСГА, 2014. – С. 5-10.
- Бочкарев В.С.** Металлические топоры-кельты и кельты-тесла эпохи поздней бронзы Нижнего Подонья и Северного Кавказа / В.С. Бочкарев, А.Л. Пелих // ИАИАНД в 2007-2008 гг. – Вып. 24. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2010. – С. 331-354.
- Братченко С.Н.** Курганы у сел Песчаное и Раздольное в Приазовье / С.Н. Братченко // ДАС. – Вып. 7. – Донецк, 1997. – С. 116-129.
- Ванчугов В.П.** Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье / В.П. Ванчугов. – К.: Наук. думка, 1990. – 166 с.
- Гавриленко І.М.** До археологічної карти басейну Нижнього Псла / І.М. Гавриленко, О.Б. Супруненко // АЛЛУ. – № 1. – Полтава, 2001. – С. 85-92.
- Гершкович Я.П.** Днепрокаменский комплекс литейных форм эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья / Я.П. Гершкович // Stratum plus. – 2005-2009. – № 2. – С. 578-590.
- Гершкович Я.П.** Связи племен Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы (по материалам Завадovской литейной мастерской) / Я.П. Гершкович, В.И. Клочко // Международные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 101-114.
- Гершкович Я.П.** Клад бронзовых изделий из леса у села Крестище (Славянский р-н Донецкой области, Украина) / Я.П. Гершкович, В.Б. Панковский, А.В. Шамрай // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. IX. – Nr. 1. – Chişinău, 2013. – P. 188-197.
- Гончарова Ю.В.** Два новых клада бронзового века из частных коллекций г. Кишинева / Ю.В. Гончарова // Stratum plus. – № 2. – 2001-2002. – С. 582-586.
- Горбенко К.В.** Степная Троя Николаевщины: Очерк / К.В. Горбенко, Ю.С. Гребенников, А.И. Смирнов. – Николаев: Изд-во Ирины Гудым, 2009. – 32 с.
- Горбунов В.С.** Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи / В.С. Горбунов. – Уфа, 1992. – 324 с.
- Городцов В.А.** К вопросу о Киммерийской культуре / В.А. Городцов // Труды секции археологии РАНИОН. – Вып. II. – М., 1928. – С. 46-60.
- Гошко Т.Ю.** Технологічне дослідження бронзових виробів із Бузького скарбу / Т.Ю. Гошко // Археологія. – 2008. – № 4. – С. 27-33.
- Дергачев В.А.** Клад конца бронзового века из Молдавии / В.А. Дергачев // Археологические исследования в Молдавии в 1968-1969 гг. – Кишинев: Штиинца, 1972. – С. 65-87.
- Дергачев В.А.** Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья / В.А. Дергачев. – Кишинев: Штиинца, 1975. – 94 с.
- Дергачев В.А.** Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы / В.А. Дергачев. – Кишинев: Штиинца, 1986. – 223 с.
- Дергачев В.** Новые металлические предметы поздней бронзы – раннего гальштатта с территории Молдовы / В. Дергачев // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. VI. – Nr. 2. – Chişinău, 2010. – P. 120-129.
- Дергачев В.** Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова / В. Дергачев // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. VIII. – Nr. 1-2. – Chişinău, 2012a. – P. 154-160.
- Дергачев В.** Новые комплексы и единичные находки металлических предметов поздней бронзы – раннего гальштатта на территории Республики Молдова / В. Дергачев // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. VIII. – Nr. 1-2. – Chişinău, 2012b. – P. 161-181.
- Дергачев В.А.** Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы / В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев. – Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. – 348 с.
- Дзиговский А.Н.** «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом / А.Н. Дзиговский, А.С. Островерхов // Stratum plus. – 2010. – № 3. – С. 145-174.
- Добровольський А.** Бериславський скарб бронзової доби / А. Добровольський // Археологія. – 1948. – Т. 2. – С. 152-163.
- Добровольський А.В.** Бронзовий вік / А.В. Добровольський, В.І. Канівець // Нариси стародавньої історії Української РСР. – К.: Вид-во АН Української РСР, 1957. – С. 87-106.
- Дубовская О.Р.** К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада / О.Р. Дубовская // СА. – 1989. – № 1. – С. 63-69.
- Зудина О.Н.** Поселение эпохи бронзы на юго-западе Куйбышевской области / О.Н. Зудина, О.В. Кузьмина // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Научные труды. – Т. 220. – Куйбышев, 1977. – С. 63-72.

- Иванова С.В.** Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья / С.В. Иванова. – Одесса: Друк, 2001. – 244 с.
- Иванова С.В.** Клады бронзового века: функции артефактов и семиотика дискурса / С.В. Иванова // МАСП. – Вып. 12. – Одесса: Печатный дом; Фаворит, 2011. – С. 62-85.
- Ильюков Л.С.** По следам танаисских сокровищ / Л.С. Ильюков. – Ростов/нД: Книга, 2002. – 144 с.
- Ильюков Л.С.** Клад бронзовых серпов из дельты Дона / Л.С. Ильюков // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград, 2004а. – С. 123-126.
- Ильюков Л.С.** Очерки древней истории Донского края / Л.С. Ильюков. – Ростов/нД: БАРО-ПРЕСС, 2004б. – 152 с.
- Килейников В.В.** Металлические серпы с памятников бронзового века лесостепного Подонья / В.В. Килейников // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград, 2004. – С. 127-131.
- Клочко В.І.** «Лобойківська металургія» (до проблеми східного кордону Східнотшинецької культури) / В.І. Клочко // «Trzciniec» – system kulturowy czy interkulturowy proces? – Poznan, 1998. – S. 217-237.
- Ключева И.Н.** Райгородский клад / И.Н. Ключева // МДАСУ. – № 4. – Луганськ, 2005. – С. 258-265.
- Клюшинцев В.Н.** Работы Бугского отряда / В.Н. Клюшинцев // АДУ 1991 р. – Луцьк: Надстир'я, 1993. – С. 43-44.
- Кожомбердиев И.** Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии / И. Кожомбердиев, Е.Е. Кузьмина // СА. – 1980. – № 4. – С. 140-153.
- Колев Ю.И.** Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования / Ю.И. Колев // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 208-240.
- Колотухин В.А.** Поздний бронзовый век Крыма / В.А. Колотухин. – К.: Стилос, 2003. – 139 с.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири / М.Ф. Косарев. – М.: Наука, 1981. – 280 с.
- Кривцова-Гракова О.А.** Степное Поволжье и Причерноморье эпохи поздней бронзы / О.А. Кривцова-Гракова // МИА. – 1955. – № 46. – 167 с.
- Кузьмина Е.Е.** Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных / Е.Е. Кузьмина // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М.: Наука, 1981. – С. 101-125.
- Кузьмина О.В.** К вопросу о неслучайности случайных находок бронзовых боевых топоров и наконечников копий абашевской культуры / О.В. Кузьмина // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 49-57.
- Кузьминых С.В.** Литейные формы / С.В. Кузьминых // Каргалы. – Т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 134-156.
- Куштан Д.П.** Південь Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи / Д.П. Куштан / АА. – № 29. – Донецьк, 2013а. – 232 с.
- Куштан Д.** Ранние металлические серпы и кельты эпохи бронзы на территории Среднего Поднепровья / Д. Куштан // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. IX. – Nr. 1. – Chişinău, 2013б. – P. 131-148.
- Лесков А.М.** О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы / А.М. Лесков // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. – К.: Наук. думка, 1967. – С. 143-184.
- Лесков А.М.** Заключительный этап бронзового века на Юге Украины: автореф дисс. ... докт. ист. наук: спец. 07.00.06 «Археология» / А.М. Лесков. – М., 1975. – 72 с.
- Лопатин В.А.** Керамические литейные формы с поселения срубной культуры у села Усть-Курдюм / В.А. Лопатин, Д.А. Хоркин // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. – Вып. 2. – Саратов, 1997. – С. 71-78.
- Малов Н.М.** Литейные формы и предметы литейного производства с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области / Н.М. Малов // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. – Ч. 1. – М., 2003. – С. 129-131.
- Малов Н.М.** Памятники срубной культурно-исторической области в Нижнем Поволжье: концептуальные основы культуургенеза / Н.М. Малов // Древние культуры юга Восточной Европы и

Западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. – М.: Институт археологии РАН, 2014. – С. 84-92.

Манзура И.В. Владеющие скипетрами / И.В. Манзура // *Stratum plus*. – 2000. – № 2. – С. 237-295.

Марковин В.И. Клад бронзолитейщика из окрестностей станицы Ахметовской / В.И. Марковин, А.И. Глебов // *СА*. – 1979. – № 2. – С. 239-245.

Мерперт Н.Я. Сабанчеевский клад / Н.Я. Мерперт // *Новое в советской археологии* / МИА. – 1965. – № 130. – С. 149-155.

Моргунова Н.Л. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы / Н.Л. Моргунова, М.В. Халяпин, О.А. Халяпина // *Археологические памятники Оренбуржья*. – Вып. V. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. – С. 99-125.

Никитин В.И. Курлозский клад эпохи поздней бронзы / В.И. Никитин, И.Т. Черняков // *СА*. – 1981. – № 2. – С. 151-160.

Николова Л. О теории накопления и тезаврации богатства в преистории (на основе балканских источников) / Л. Николова // *Stratum plus*. – 2010 – № 2. – С. 23-33.

Новикова Л.А. Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы / Л.А. Новикова // *СА*. – 1976. – № 3. – С. 25-53.

Новичихин А.М. Второй Натухаевский клад металлических изделий бронзового века и новые находки бронзовых серпов в Западном Прикубанье / А.М. Новичихин // *Историко-археологический альманах*. – Вып. 11. – Армавир; Краснодар; Москва, 2012. – С. 4-11.

Обыденнов М.Ф. Бахчинский клад срубной культуры в Южном Приуралье / М.Ф. Обыденнов // *Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья*. – Уфа, 1989. – С. 72-84.

Обыденнов М.Ф. Сведения о находках металлических изделий бронзового века на Южном Урале / М.Ф. Обыденнов // *Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала*. – Уфа: Восточный ун-т, 1996. – С. 105-123.

Обыденнов М.Ф. Кармановское поселение эпохи бронзы / М.Ф. Обыденнов, Ф.Ш. Хузин // *Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа*. – Уфа, 1992. – С. 30-37.

Осетинские народные сказки. – М.: Наука, 1973. – 599 с.

Отрощенко В.В. Белозерская культура / В.В. Отрощенко // [С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова] *Культуры эпохи бронзы на территории Украины*. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 118-152.

Отрощенко В.В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) / В.В. Отрощенко // *Обряды и верования древнего населения Украины*. – К.: Наук. думка, 1990. – С. 5-17.

Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности / В.В. Отрощенко // *АВЛ*. – Вып. 17: Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. – С. 68-96.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // *САИ*. – Вып. В1-10. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. – 200 с.

Петрова Л.Ю. Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI (публикация материалов охранных раскопок) / Л.Ю. Петрова // *Вестник Челябинского педагогического университета. Серия 1: Исторические науки*. – № 2. – 2004. – С. 181-206.

Писларий И.А. Клад литейщика эпохи бронзы из с. Андрово / И.А. Писларий, Г.Н. Будылкина // *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. – К.: Наук. думка, 1982. – С. 61-67.

Писларий И.А. Тайны степных курганов / И.А. Писларий, А.Н. Филатов. – Донецк: Донбасс, 1972. – 134 с.

Подобед В.А. Погребение срубной культуры из Комсомольского (Астраханская область): некоторые аспекты осмысления / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // *Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия*. – Астрахань: Астраханский университет, 2010а. – С. 107-116.

Подобед В.А. Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы) / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // *Древности Сибири и Центральной Азии*. – № 3(15). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010б. – С. 14-33.

Подобед В.А. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // *МАСП*. – Вып. 12. – Одесса: Печатный дом; Фаворит, 2011а. – С. 86-124.

Подобед В.А. Серпы эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии: вопросы семантики / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі. – Т. I. – Алматы, 2011б. – С. 286-306.

Подобед В.А. Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // ДАЗ. – № 16. – Донецк, 2012а. – С. 194-245.

Подобед В.А. Стрелы в обрядах древнего населения Центральной Азии и Сибири (по материалам поселений эпохи бронзы) / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // «Кадырбаев окулары – 2012». III Халықаралық ғылыми конференциясы. – Ақтобе, 2012б. – С. 85-92.

Подобед В.А. Конская узда – атрибут инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа) / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Древности Сибири и Центральной Азии. – № 5(17). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013а. – С. 23-44.

Подобед В.А. Манипуляции в столбовых ямах (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы) / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Теория и практика археологических исследований. – № 1 (7). – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013б. – С. 33-48.

Подобед В.А. Колодцы в картине мира племен эпохи бронзы лесостепной и степной Евразии / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 6. – Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014а. – С. 283-293.

Подобед В.А. Очаги и кострища на поселениях эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири как ритуальные объекты / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Археологияның шыңына шыққан: К.А. Ақышевтың туғанына 90 жыл толуына арналған «Қазақстан территориясындағы ежелгі және ортағасырлық мемлекеттер» атты халықаралық ғылыми конференция материалдарының жинағы. – Алматы, 2014б. – С. 101-115.

Подобед В.А. Углы жилищ как медиативные локусы (Поселения эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири) / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // «Археология және этнологиядағы мәдениеттер сабақтастығы мәселесі» атты «VI Оразбаев окулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. – Алматы: Қазақ университеті, 2014в. – С. 87-94.

Подобед В.А. Сосуды с «крышками» в обрядах культур Центральной Азии эпохи поздней бронзы / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Қазақ хандығы тарих толқынында: Қазақ хандығының құрылуының 550 жылдығына арналған ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2015. – С. 388-398.

Попандопуло З.Х. Нижнехортицкий клад бронзовых изделий / З.Х. Попандопуло // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 1999. – С. 14.

Пряхин А.Д. Глиняные литейные формы с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков / А.Д. Пряхин, А.С. Саврасов // Поселения срубной общности. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – С. 39-80.

Пряхин А.Д. Терешковский клад эпохи поздней бронзы в Среднем Подонье / А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк, Ю.П. Матвеев // СА. – 1981. – № 3. – С. 281-285.

Рогудеев В.В. Клад бронзовых серпов у станицы Казанской / В.В. Рогудеев // ИАИАНД в 1994 г. – Вып. 14. – Азов, 1997. – С. 113-122.

Сага о Греттире. – Новосибирск: Наука, 1976. – 176 с.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала / К.В. Сальников. – М., 1967. – 408 с.

Сергацков И.В. Клад бронзовых серпов из поселка Приморск / И.В. Сергацков // Древности Волго-Донских степей. – Вып. 5. – Волгоград, 1995. – С. 113-117.

Сокольский Н.И. Таманский клад бронзовых орудий / Н.И. Сокольский // СА. – 1980. – № 2. – С. 144-150.

Субботин Л. Клад белозерской культуры из окрестностей с. Каменка в Дунайско-Днестровском междуречье / Л. Субботин, С. Агульников // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. VIII. – Nr. 1-2. – Chişinău, 2012. – P. 182-189.

Суботін Л.В. Новотроянівський скарб та питання обміну металом за доби пізньої бронзи / Л.В. Суботін, І.Т. Черняков // Археологія. – 1982. – № 39. – С. 15-23.

Сымонович Э.А. Ингульский клад / Э.А. Сымонович // СА. – 1966. – № 1. – С. 127-142.

Телегин Д.Я. Старосельский клад поздней бронзы из Черкасской области / Д.Я. Телегин // СА. – 1982. – № 1. – С. 222-224.

- Тереножкин А.И.** Предскифский период на Днепровском Правобережье / А.И. Тереножкин. – К.: Изд-во АН УССР, 1961. – 248 с.
- Тереножкин А.И.** Основы хронологии предскифского периода / А.И. Тереножкин // СА. – 1965. – № 1. – С. 63-85.
- Тихонов Б.Г.** Металлические изделия эпохи бронзы на среднем Урале и в Приуралье / Б.Г. Тихонов // МИА. – 1960. – № 90. – С. 5-115.
- Усачук А.Н.** Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность / А.Н. Усачук, Ю.Б. Полидович, А.В. Колесник // АА. – № 14. – Донецк, 2003. – С. 13-55.
- Хансен С.** Клады в Европе в эпоху бронзы / С. Хансен // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки – СПб.: Чистый лист, 2013а. – С. 279-289.
- Цахилов О.Л.** Погребальный инвентарь осетин в прошлом и настоящем / О.Л. Цахилов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – № 43-1. – СПб., 2007. – С. 362-365.
- Цимиданов В.В.** Погребения со стелами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья / В.В. Цимиданов // Stratum plus. – 2001-2002. – № 2. – С. 370-385.
- Цимиданов В.В.** Деревянные чаши в срубной культуре / В.В. Цимиданов // ДАС. – Вып. 11. – Донецк, 2004а. – С. 55-76.
- Цимиданов В.В.** Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004б. – 204 с.
- Цимиданов В.В.** Культурно-хронологическая интерпретация погребений энеолита – эпохи бронзы кургана «Розкопана Могила» (Донбасс) / В.В. Цимиданов // АА. – № 25. – Донецк, 2011а. – С. 156-179.
- Цимиданов В.В.** Сны и происхождение некоторых представлений о потустороннем мире / В.В. Цимиданов // Літопис Донбасу. – № 19. – Донецк, 2011б. – С. 10-35.
- Цимиданов В.В.** «Золушки» срубной культуры / В.В. Цимиданов // Літопис Донбасу. – № 20. – Донецк, 2012. – С. 45-58.
- Цимиданов В.В.** Новая находка серпа кабаковского типа на Среднем Донце / В.В. Цимиданов, Э.Е. Кравченко // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: тез. докл. научно-практич. конф. – Донецк, 1989. – С. 130-132.
- Чередниченко Н.Н.** Срубная культура / Н.Н. Чередниченко // [С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова]. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 44-82.
- Черных Е.Н.** О химическом составе клада из Старой Мазы / Е.Н. Черных // КСИА. – 1966. – Вып. 108. – С. 123-131.
- Черных Е.Н.** Металл – человек – время / Е.Н. Черных. – М.: Наука, 1972. – 208 с.
- Черных Е.Н.** Древняя металлообработка на юго-западе СССР / Е.Н. Черных. – М.: Наука, 1976. – 304 с.
- Черных Е.Н.** О химическом составе металла Таманского клада / Е.Н. Черных // СА. – 1980. – № 2. – С. 150-154.
- Черных Е.Н.** Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии / Е.Н. Черных // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 81-99.
- Черняков И.Т.** Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье / И.Т. Черняков // ЗОАО. – 1967. – Т. 2 (35). – С. 23-37.
- Черняков И.Т.** Бецилівський скарб пізньої бронзи / И.Т. Черняков // Археологія. – 1968. – Т. XXI. – С. 131-134.
- Черняков И.Т.** Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. / И.Т. Черняков – К.: Наук. думка, 1985. – 172 с.
- Шарафутдинова И.Н.** Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы / И.Н. Шарафутдинова – К.: Наук. думка, 1982. – 157 с.
- Шарафутдинова И.Н.** Сабатиновская культура / И.Н. Шарафутдинова // [С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова]. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 83-116.
- Шарафутдинова Э.С.** Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани / Э.С. Шарафутдинова // Древние культуры Прикубанья. – Л.: Наука, 1991. – С. 70-91.

Шнирельман В.А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества / В.А. Шнирельман // История первобытного общества. Эпоха классовообразования. – М.: Наука, 1988. – С. 5-139.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца / Б.А. Шрамко. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1962. – 404 с.

Hansen S. Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhônetal und Karpatenbecken. – Т. 1 / S. Hansen // Aus dem Seminar für Ur- und Frühgeschichte der Freien Universität Berlin. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. – Bd. 21. – Bonn: Habelt, 1994a. – S. 1-406.

Hansen S. Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhônetal und Karpatenbecken – Т. 2 / S. Hansen // Aus dem Seminar für Ur- und Frühgeschichte der Freien Universität Berlin. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. – Bd. 21. – Bonn: Habelt, 1994b. – S. 407-650.

Hansen S. Bronzezeitliche Deponierungen in Europa nördlich der Alpen Weihgaben ohne Tempel / S. Hansen // Sanktuar und Ritual. Heilige Plätze im archäologischen Befund. – Rahden: Leidorf, 2013b. – S. 371-387.

Kaiser E. Drei bronzezeitliche Hortfunde aus dem unteren Dneprraum / E. Kaiser, Z.C. Popandopulo // Praehistorische Zeitschrift. – B. 79. – H. 1. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004. – S. 5-35.

Leskov A.M. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde in nordlichen Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen) / A.M. Leskov // PBF. – 1981. – Т. XX, 5. – 130 s.

Petrescu-Dimbovița M. Depozstele de bronzuri din Romania / M. Petrescu-Dimbovița. – București: Editura Academiei RSR, 1977. – 390 s.

Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux / A.M. Tallgren // ESA. – 1926. – Т. II. – 248 s.

REFERENCES

Agapov S.A. Metalloobrabatyvayushchiy kompleks poseleniya Lipovyy Ovrage / S.A. Agapov. A.Yu. Ivanov // Poseleniya srubnoy obshchnosti. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta. 1989. – S. 133-143.

Agulnikov S. Kinzhal «kimmeriyskogo tipa» iz okrestnostey s. Severinovka / S. Agulnikov. S. Ivanova // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. V, nr. 2. – Chișinău, 2010. – S. 151-157.

Arkheologiya Ukrainskoy SSR: V 3 t. – Т. 1. – К.: Nauka. 1985. – 568 s.

Akhmerov R.B. Pamyatniki srubno-khvalynskoy kultury v Bashkirii / R.B. Akhmerov // KSIIMK. – 1955. – Vyp. LIX. – S. 81-90.

Babayeva N.S. Drevniye verovaniya gornyx tadjikov Yuzhnogo Tadjikistana v pokhoronno-pominalnoy obryadnosti (konets XIX – nachalo XX veka) / N.S. Babayeva. – Dushanbe: Donish. 1993. – 156 s.

Bayburin A.K. Ritual: mezhdru biologicheskim i sotsialnym / A.K. Bayburin // Folklor i etnograficheskaya deystvitelnost. – SPb.: Nauka. 1992. – S. 18-28.

Balonov F.R. Etyud o kladakh / F.R. Balonov // Kleyn L.S. Arkheologicheskaya tipologiya. – L., 1991. – S. 315-337.

Bandrivskiy M. Klepani «kazany» i dvolezi sokyry: shchodo vytokiv relihiinykh uiaвлен na zakhodi ukrainskoho lisostepu v piznii period epokhy bronzy / M. Bandrivskiy // Materialy i doslidzhennia z arkheologii Prykarpattia i Volyni. – Vyp. 11. – Lviv, 2007. – S. 38-64.

Beovulf // Beovulf. Starshaya Edda. Pesn o Nibelungah. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. – S. 27-180.

Berezanska S.S. Bronzovyi vik na Ukraini / S.S. Berezanska. – К.: Naukova dumka, 1964. – 71 s.

Berezanskaya S.S. Pervyye mastera-metallurgi na territorii Ukrainyi / S.S. Berezanskaya // Pervobyitnaya arheologiya – poiski i nahodki. – К.: Naukova dumka, 1980. – S. 243-256.

Berezanskaya S.S. Usovo Ozero. Poselenie srubnoy kulturyi na Severskom Dontse / S.S. Berezanskaya. – К.: Naukova dumka, 1990. – 150 s.

Berestnev S.I. Vostochnoukrainskaya lesostep v epohu sredney i pozdney bronzyi (II tyis. do n.e.) / S.I. Berestnev. – Harkov: PF Amet, 2001. – 264 s.

Bodianskiy O.V. Arkheolohichni doslidzhennia v mezhakh porozhystoi chastyny Dnipra v 1947-1948 rr. (AP URSR, 1952. t. IV) / O.V. Bodianskiy // Arkheolohichna spadshchyna O.V. Bodianskoho (Do 90-richchia vid dnia narodzhennia). – Zaporizhzhia, 2006. – S. 25-38.

- Bokiy N.M.** Novyie nahodki na Kirovogradschine / N.M. Bokiy // AIU-1967. – K.: Naukova dumka, 1968. – S. 121-125.
- Borodinskiy klad** / Sost. T.B. Popova. – M.: GIM, b/g. – 20 s.
- Bochkarev V.S.** K istorii metalloobrabatyivayushego proizvodstva v epohu pozdney bronzyi v Severo-Zapadnom Prichernomore / V.S. Bochkarev // Domashnie promyisly i remeslo. – L., 1970. – S. 7-10.
- Bochkarev V.S.** Novyy klad prikubanskih bronz iz Rostovskoy obl. / V.S. Bochkarev // KSIA. – 1972. – Vyip. 132. – S. 87-89.
- Bochkarev V.S.** Karpato-dunayskiy i volgo-uralskiy ochagi kulturogeneza epohi bronzyi (opyit sravnitel'noy karakteristiki) / V.S. Bochkarev // Konvergentsiya i divergentsiya v razvitii kultur epohi eneolita – bronzyi Sredney i Vostochnoy Evropyi. – SPb., 1995. – S. 18-29.
- Bochkarev V.S.** Problema interpretatsii evropeyskih kladov metallicheskih izdeliy epohi bronzyi / V.S. Bochkarev // Klady: sostav, hronologiya, interpretatsiya. – SPb., 2002. – S. 45-54.
- Bochkarev V.S.** Znamenskaya nahodka / V.S. Bochkarev // Arheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi. – Vyip. 6. – Saratov: Nauchnaya kniga, 2008. – S. 245-252.
- Bochkarev V.S.** Kulturogenез i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoy Evropyi / V.S. Bochkarev. – SPb.: «Info Ol», 2010. – 231 s.
- Bochkarev V.S.** K voprosu ob ispolzovanii metallicheskih serpov i serpovidnykh orudiy v stepnykh (skotovodcheskikh) kulturah epohi pozdney bronzyi Vostochnoy Evropyi / V.S. Bochkarev // Rossiyskiy arheologicheskiy ezhegodnik. – № 2. – SPb.: Universitetskiy izdatelskiy konsortsiy, 2012. – S. 194-213.
- Bochkarev V.S.** Zhelobchatyie psalii epohi pozdney bronzyi evraziyskikh stepey / V.S. Bochkarev, P.F. Kuznetsov // Koni i kolesnichie stepey Evrazii. – Ekaterinburg; Samara; Donetsk: OOO «TsIKR «Rifey», 2010. – S. 292-243.
- Bochkarev V.S.** Osnovnyie etapyi razvitiya schitkovykh psaliev Severnoy Evrazii / V.S. Bochkarev, P.F. Kuznetsov // Protsess kulturogeneza nachalnoy poryi pozdnego bronzovogo veka Volgo-Uralskogo regiona (voprosy hronologii, periodizatsii, istoriografii). – Samara: PGSGA, 2014. – S. 5-10.
- Bochkarev V.S.** Metallicheskie toporyi-keltyi i keltyi-tesla epohi pozdney bronzyi Nizhnego Podonya i Severnogo Kavkaza / V.S. Bochkarev, A.L. Pelih // Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2007-2008 gg. – Vyip. 24. – Azov: Izd-vo Azovskogo muzeya-zapovednika, 2010. – S. 331-354.
- Bratchenko S.N.** Kurganyi u sel Peschanoe i Razdolnoe v Priazove / S.N. Bratchenko // DAS. – Vyip. 7. – Donetsk, 1997. – S. 116-129.
- Vanchugov V.P.** Belozerskie pamyatniki v Severo-Zapadnom Prichernomore / V.P. Vanchugov. – K.: Naukova dumka, 1990. – 166 s.
- Havrylenko I.M.** Do arkheolohichnoi karty baseinu Nyzhnoho Psla / I.M. Havrylenko, O.B. Suprunenko // Arkheolohichniy litopys Livoberezhnoi Ukrainy. – Poltava, 2001. – № 1. – S. 85-92.
- Gershkovich Ya.P.** Dneprokamenskiy kompleks liteynykh form epohi pozdney bronzyi iz Srednego Podneprovya / Ya.P. Gershkovich // Stratum plus. – 2005-2009. – № 2. – S. 578-590.
- Gershkovich Ya.P.** Svyazi plemen Nizhnego Podneprovya v epohu pozdney bronzyi (po materialam Zavadovskoy liteynoy masterskoy) / Ya.P. Gershkovich, V.I. Klochko // Mezhdunarodnyie svyazi epohi bronzyi na territorii Ukrainy. – K.: Naukova dumka, 1987. – S. 101-114.
- Gershkovich Ya.P.** Klad bronzovykh izdeliy iz lesa u sela Krestische (Slavyanskiy r-n Donetskoy oblasti, Ukraina) / Ya.P. Gershkovich, V.B. Pankovskiy, A.V. Shamray // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. IX, nr. 1. – Chişinău, 2013. – P. 188-197.
- Goncharova Yu.V.** Dva novykh klada bronzovogo veka iz chastnykh kollektsiy g. Kishineva / Yu.V. Goncharova // Stratum plus. – № 2. – 2001-2002. – S. 582-586.
- Gorbenko K.V.** Stepnaya Troya Nikolaevschinyi: Ocherk / K.V. Gorbenko, Yu.S. Grebennikov, A.I. Smirnov. – Nikolaev: Izd-vo Irinyi Gudyim, 2009. – 32 s.
- Gorbunov V.S.** Bronzovyiy vek Volgo-Uralskoy lesostepi / V.S. Gorbunov. – Ufa, 1992. – 324 s.
- Gorodtsov V.A.** K voprosu o Kimmeriyskoy kulture / V.A. Gorodtsov // Trudyi sektsii arheologii RANION. – Vyip. II. – M., 1928. – S. 46-60.
- Hoshko T.Yu.** Tekhnolohichne doslidzhennia bronzovykh vyrobiv iz Buzkoho skarbu / T.Yu. Hoshko // Arkheolohiia. – 2008. – № 4. – S. 27-33.
- Dergachev V.A.** Klad kontsa bronzovogo veka iz Moldavii / V.A. Dergachev // Arheologicheskie issledovaniya v Moldavii v 1968-1969 gg. – Kishinev: Shtiintsa, 1972. – S. 65-87.
- Dergachev V.A.** Bronzovyie predmetyi XIII-VIII vv. do n.e. iz Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurechya / V.A. Dergachev. – Kishinev: Shtiintsa, 1975. – 94 s.

- Dergachev V.A.** Moldaviya i sosednie territorii v epohu bronzii / V.A. Dergachev. – Kishinev: Shtiintsa, 1986. – 223 s.
- Dergachev V.** Novyye metallicheskie predmetyi pozdney bronzii – rannego galshtatta s territorii Moldovy / V. Dergachev // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. VI, nr. 2. – Chişinău, 2010. – P. 120-129.
- Dergachev V.** Klad pozdney bronzii iz sela Bahu v Respublike Moldova / V. Dergachev // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. VIII, nr. 1-2. – Chişinău, 2012a. – P. 154-160.
- Dergachev V.** Novyye komplekxyi i edinichnyie nahodki metallicheskih predmetov pozdney bronzii – rannego galshtatta na territorii Respubliki Moldova / V. Dergachev // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. VIII, nr. 1-2. – Chişinău, 2012b. – P. 161-181.
- Dergachev V.A.** Metallicheskie serpyi pozdney bronzii Vostochnoy Evropy / V.A. Dergachev, V.S. Bochkarev. – Kishinev: Vysshaya Antropologicheskaya Shkola, 2002. – 348 s.
- Dzigovskiy A.N.** «Strannyie komplekxyi»: o semantike predmetov i pamyatnikov v tselom / A.N. Dzigovskiy, A.S. Ostroverhov // Stratum plus. – 2010. – № 3. – S. 145-174.
- Dobrovolskiy A.** Beryslavskiy skarb bronzovoi doby / A. Dobrovolskiy // Arkheolohiia. – 1948. – T. 2. – S. 152-163.
- Dobrovolskiy A.V.** Bronzovyi vik / A.V. Dobrovolskiy, V.I. Kanivets // Narysy starodavnoi istorii Ukrainskoi RSR. – K.: Vyd-vo AN Ukrainskoi RSR, 1957. – S. 87-106.
- Dubovskaya O.R.** K interpretatsii kompleksov tipa Novocherkasskogo klada / O.R. Dubovskaya // SA. – 1989. – № 1. – S. 63-69.
- Zudina O.N.** Poselenie epohi bronzii na yugo-zapade Kuybyishevskoy oblasti / O.N. Zudina, O.V. Kuzmina // Neolit i bronzovyy vek Povolzhya i Priuralya / Nauchnyie trudyi. T. 220. – Kuybyishev, 1977. – S. 63-72.
- Ivanova S.V.** Sotsialnaya struktura naseleniya yamnoy kulturyi Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya / S.V. Ivanova. – Odessa: Druk, 2001. – 244 s.
- Ivanova S.V.** Kladyi bronzovogo veka: funktsii artefaktov i semiotika diskursa / S.V. Ivanova // MASP. – Vyip. 12. – Odessa: «Pechatnyi dom»; «Favorit», 2011. – S. 62-85.
- Ilyukov L.S.** Po sledam tanaisskih sokrovishch / L.S. Ilyukov. – Rostov-na-Donu: Kniga, 2002. – 144 s.
- Ilyukov L.S.** Klad bronzovyyih serpov iz del'ty Dona / L.S. Ilyukov // Problemyi arheologii Nizhnego Povolzhya. – Volgograd, 2004a. – S. 123-126.
- Ilyukov L.S.** Ocherki drevney istorii Donskogo kraya / L.S. Ilyukov. – Rostov-na-Donu: BARO-PRESS, 2004b. – 152 s.
- Kileynikov V.V.** Metallicheskie serpyi s pamyatnikov bronzovogo veka lesostepnogo Podonya / V.V. Kileynikov. – Problemyi arheologii Nizhnego Povolzhya. – Volgograd, 2004. – S. 127-131.
- Klochko V.I.** «Loboikivska metalurhiia» (do problemyi skhidnoho kordonu Skhidnotshynets'koi kultury) / V.I. Klochko // «Trzciniac» – system kulturowy czy interkulturowy process? – Poznan, 1998. – S. 217-237.
- Klyuchneva I.N.** Raygorodskiy klad / I.N. Klyuchneva // MDASU. – № 4. – Lugansk, 2005. – S. 258-265.
- Klyushintsev V.N.** Raboty Bugskogo otryada / V.N. Klyushintsev // ADU-1991. – Lutsk: Nadstir'ya, 1993. – S. 43-44.
- Kozhombardiev I.** Shamshinskiy klad epohi pozdney bronzii v Kirgizii / I. Kozhombardiev, E.E. Kuzmina // SA. – 1980. – № 4. – S. 140-153.
- Kolev Yu.I.** Ivanovskaya kultura pozdnego bronzovogo veka: harakteristika kulturyi i problemyi issledovaniya / Yu.I. Kolev // Aktualnyie problemyi arheologii Urala i Povolzhya. – Samara, 2008. – S. 208-240.
- Kolotuhin V.A.** Pozdnyy bronzovyy vek Kryima / V.A. Kolotuhin. – K.: Stilos, 2003. – 139 s.
- Kosarev M.F.** Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri / M.F. Kosarev. – M.: Nauka, 1981. – 280 s.
- Krivtsova-Grakova O.A.** Stepnoe Povolzhe i Prichernomore epohi pozdney bronzii / O.A. Krivtsova-Grakova // MIA. – 1955. – № 46. – 167 s.
- Kuzmina E.E.** Proishozhdenie indoirantsev v svete noveyshih arheologicheskikh dannyih / E.E. Kuzmina // Etnicheskie problemyi istorii Tsentralnoy Azii v drevnosti. – M.: Nauka, 1981. – S. 101-125.
- Kuzmina O.V.** K voprosu o nesluchaynosti sluchaynyih nahodok bronzovyyih boevyyih toporov i nakonechnikov kopiy abashevskoy kulturyi / O.V. Kuzmina // Aktualnyie problemyi arheologii Urala i Povolzhya. – Samara, 2008. – S. 49-57.

- Kuzminyih S.V.** Liteynye formy / S.V. Kuzminyih // Kargalyi. – T. III: Selische Gorniy: Arheologicheskie materialy: Tehnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva: Arheobiologicheskie issledovaniya. – M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. – S. 134-156.
- Kushtan D.P.** Pivden Lisostepovoho Podniprov'ia za doby piznoi bronzy / D.P. Kushtan // Arkheolohichnyi almanakh. – № 29. – Donetsk, 2013a. – 232 s.
- Kushtan D.** Rannie metallicheskie serpy i keltyi epohi bronzy na territorii Srednego Podneprovya / D. Kushtan // Revista Arheologica. Serie nouă. – Vol. IX, nr. 1. – Chişinău, 2013b. – P. 131-148.
- Leskov A.M.** O severoprichernomorskome ochage metalloobrabotki v epohu pozdney bronzy / A.M. Leskov // Pamyatniki epohi bronzyi yuga Evropeyskoy chasti SSSR. – K.: Naukova dumka, 1967. – S. 143-184.
- Leskov A.M.** Zaklyuchitelnyy etap bronzovogo veka na Yuge Ukrainyi: avtoref diss. ... dokt. ist. nauk: spets. 07.00.06 «Arheologiya» / A.M. Leskov. – M., 1975. – 72 s.
- Lopatin V.A.** Keramicheskie liteynye formy s poseleniya srubnoy kulturyi u sela Ust-Kurdyum / V.A. Lopatin, D.A. Horkin // Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya. Ohrana i issledovaniya v 1996 godu. – Vyip. 2. – Saratov, 1997. – S. 71-78.
- Malov N.M.** Liteynye formy i predmety liteynogo proizvodstva s nizhnevolzhskikh poseleniy srubnoy kulturno-istoricheskoy oblasti / N.M. Malov // Chteniya, posvyaschennyye 100-letiyu deyatel'nosti Vasiliya Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee. – Ch. 1. – M., 2003. – S. 129-131.
- Malov N.M.** Pamyatniki srubnoy kulturno-istoricheskoy oblasti v Nizhnem Povolzhe: kontseptualnyye osnovy kulturogeneza / N.M. Malov // Drevnie kulturyi yuga Vostochnoy Evropyi i Zapadnoy Azii. Sbornik k 90-letiyu so dnya rozhdeniya i pamyati N.Ya. Merperta. – M.: Institut arheologii RAN, 2014. – S. 84-92.
- Manzura I.V.** Vladeyushchie skipetrami / I.V. Manzura // Stratum plus. – 2000. – № 2. – S. 237-295.
- Markovin V.I.** Klad bronzoliteyschika iz okrestnostey stanitsyi Ahmetovskoy / V.I. Markovin, A.I. Glebov // SA. – 1979. – № 2. – S. 239-245.
- Merpert N.Ya.** Sabancheevskiy klad / N.Ya. Merpert // Novoe v sovetskoy arheologii / MIA. – 1965. – № 130. – S. 149-155.
- Morgunova N.L.** II Kuzminkovskoe poselenie epohi bronzyi / N.L. Morgunova, M.V. Halyapin, O.A. Halyapina // Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhya. – Vyip. V. – Orenburg: Izd-vo OGPU, 2001. – S. 99-125.
- Nikitin V.I.** Kurlozskiy klad epohi pozdney bronzyi / V.I. Nikitin, I.T. Chernyakov // SA. – 1981. – № 2. – S. 151-160.
- Nikolova L.** O teorii nakopleniya i tezavratsii bogatstva v preistorii (na osnove balkanskih istochnikov) / L. Nikolova // Stratum plus. – 2010 – № 2. – S. 23-33.
- Novikova L.A.** Zapadnyye svyazi severoprichernomorskogo ochaga metalloobrabotki v epohu pozdney bronzyi / L.A. Novikova // SA. – 1976. – № 3. – S. 25-53.
- Novichihin A.M.** Vtoroy Natuhaevskiy klad metallicheskikh izdeliy bronzovogo veka i novyye nahodki bronzovykh serpov v Zapadnom Prikubane / A.M. Novichihin // Istoriko-arheologicheskii almanakh. – Vyip. 11. – Armavir; Krasnodar; Moskva, 2012. – S. 4-11.
- Obyidennov M.F.** Bahchinskii klad srubnoy kulturyi v Yuzhnom Priurale / M.F. Obyidennov // Materialy po epohe bronzyi i rannego zheleza Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzhya. – Ufa, 1989. – S. 72-84.
- Obyidennov M.F.** Svedeniya o nahodkakh metallicheskikh izdeliy bronzovogo veka na Yuzhnom Urale / M.F. Obyidennov // Aktualnyye problemy drevney istorii i arheologii Yuzhnogo Urala. – Ufa: Vostochnyy universitet, 1996. – S. 105-123.
- Obyidennov M.F.** Karmanovskoe poselenie epohi bronzyi / M.F. Obyidennov, F.Sh. Huzin // Priurale v epohu bronzyi i rannego zheleza. – Ufa, 1992. – S. 30-37.
- Osetinskie narodnyye skazki.** – M.: Nauka, 1973. – 599 s.
- Otroschenko V.V.** Belozerskaya kultura / V.V. Otroschenko // S.S. Berezanskaya, V.V. Otroschenko, N.N. Cherednichenko, I.N. Sharafutdinova. Kulturyi epohi bronzyi na territorii Ukrainyi. – K.: Naukova dumka, 1986. – S. 118-152.
- Otroschenko V.V.** Ideologicheskie vozzreniya plemen epohi bronzyi na territorii Ukrainyi (po materialam srubnoy kulturyi) / V.V. Otroschenko // Obryady i verovaniya drevnego naseleniya Ukrainyi. – K.: Naukova dumka, 1990. – S. 5-17.
- Otroschenko V.V.** K istorii plemen srubnoy obschnosti / V.V. Otroschenko // Arheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi. – Vyip. 17: Dono-Donetskiy region v epohu bronzyi. – Voronezh: Voronezhskiy gos. un-t, 2003. – S. 68-96.

Pamyatniki srubnoy kulturyi. Volgo-Uralskoe mezhdureche // SAI. – Vyip. V1-10. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1993. – 200 s.

Petrova L.Yu. Poselenie epohi bronzы Lebyazhe VI (publikatsiya materialov ohrannyih raskopok) / L.Yu. Petrova // Vestnik Chelyabinskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Istoricheskie nauki. – № 2. – 2004. – S. 181-206.

Pislariy I.A. Klad liteyschika epohi bronzы iz s. Androvo / I.A. Pislariy, G.N. Budyilkina // Materialy po khronologii arheologicheskikh pamyatnikov Ukrainy. – K.: Naukova dumka, 1982. – S. 61-67.

Pislariy I.A. Taynyi stepnykh kurganov / I.A. Pislariy, A.N. Filatov. – Donetsk: Donbass, 1972. – 134 s.

Podobed V.A. Pogrebenie srubnoy kulturyi iz Komsomolskogo (Astrahanskaya oblast): nekotoryie aspekty osmysleniya / V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov // Arheologiya Nizhnego Povolzhya: problemy, poiski, otkrytiya. – Astrahan: Astrahanskiy universitet, 2010a. – S. 107-116.

Podobed V.A. Psalii, «zabyitiye» v ostavlennom dome (po materialam poseleniy Azii i Vostochnoy Evropy epohi bronzы) / V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov // Drevnosti Sibiri i Tsentralnoy Azii. – № 3(15). – Gorno-Altaysk: GAGU, 2010b. – S. 14-33.

Podobed V.A. Ischeznuvshie verovaniya i pozabyityie geroi (kozhevnyy instrumentariy v ritualah epohi bronzы stepnoy i lesostepnoy Evrazii) / V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov // MASP. – Vyip. 12. – Odessa: «Pechatnyy dom»; «Favorit», 2011a. – S. 86-124.

Podobed V.A. Serpyi epohi bronzы stepnoy i lesostepnoy Evrazii: voprosy semantiki / V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov // Táýelsizdiq kezeńdegi Qazaqstan arheologiasy: qorytyndylary men keleshegi. – T. I. – Almaty, 2011b. – S. 286-306.

Podobed V.A. Nekotoryie diskussionnyie problemy arheologii yuga Vostochnoy Evropyi finala bronzovogo veka / V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov // DAZ. – № 16. – Donetsk, 2012a. – S. 194-245.

Podobed V.A. Strelyi v obryadah drevnego naseleniya Tsentralnoy Azii i Sibiri (po materialam poseleniy epohi bronzы) / V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov // «Kadyrbaev okýlary – 2012». III Halyqaralyq gylymy konferentsiasy. – Aktobe, 2012b. – S. 85-92.

Podobed V.A. Konskaya uzda – atribut initsiatsiy? (Po materialam kultur stepnoy i lesostepnoy Evrazii finala pozdney bronzы i nachala rannego zheleza) / V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov // Drevnosti Sibiri i Tsentralnoy Azii. – № 5(17). – Gorno-Altaysk: GAGU, 2013a. – S. 23-44.

Podobed V.A. Manipulyatsii v stolbovyykh yamah (kulturyi epohi bronzы Azii i Vostochnoy Evropyi) / V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov // Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy. – № 1(7). – Barnaul: Izd-vo Altayskogo gos. un-ta, 2013b. – S. 33-48.

Podobed V.A. Kolodtsy v kartine mira plemen epohi bronzы lesostepnoy i stepnoy Evrazii / V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov // Verhnedonskoy arheologicheskoy sbornik. – Vyip. 6. – Lipetsk: RITs FGBOU VPO «LGPU», 2014a. – S. 283-293.

Podobed V.A. Ochagi i kostrisha na poseleniyah epohi bronzы Tsentralnoy Azii i Sibiri kak ritualne ob'ekty / V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov // Arheologuanyn shyńyna shyqqan: K.A. Aqyshevtyń týganyna 90 jyl tolyyna arnalǵan «Qazaqstan territoriasyndaǵy ejelgi jáne ortaǵasyrlyq memleketter» atly halyqaralyq gylymy konferentsiua materialdarynyń jinaǵy. – Almaty, 2014b. – S. 101-115.

Podobed V.A. Uglyi zhilisch kak mediativnyie lokusy (Poseleniya epohi bronzы Tsentralnoy Azii i Sibiri) / V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov // «Arheologua jáne átnologuadaǵy mádenietter sabaqtastyǵy máselesi» atly «VI Orazbaev oqýlary» halyqaralyq gylymy-tájirbeliq konferentsiua materialdary. – Almaty: Qazaq ýniversiteti, 2014v. – S. 87-94.

Podobed V.A. Sosudyi s «kryishkami» v obryadah kultur Tsentralnoy Azii epohi pozdney bronzы / V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov // Qazaq handyǵy tarih tolyqnynda: Qazaq handyǵynyń kurylynyń 550 jildyǵyna arnalǵan gylymy maqalalar jinyǵy. – Almaty, 2015. – S. 388-398.

Popandopulo Z.H. Nizhnehortitskiy klad bronzovykh izdeliy / Z.H. Popandopulo // Problemy istorii i arheologii Ukrainy. – Harkov, 1999. – S. 14.

Pryahin A.D. Glinyanyie liteynyie formy s Mosolovskogo poseleniya metallurgov-liteyschikov / A.D. Pryahin, A.S. Savrasov // Poseleniya srubnoy obschnosti. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1989. – S. 39-80.

Pryahin A.D. Tereshkovskiy klad epohi pozdney bronzы v Srednem Podone / A.D. Pryahin, A.T. Sinyuk, Yu.P. Matveev // SA. – 1981. – № 3. – S. 281-285.

- Rogudeev V.V.** Klad bronzovyih serpov u stanitsyi Kazanskoj / V.V. Rogudeev // Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1994 g. – Vyip. 14. – Azov, 1997. – S. 113-122.
- Saga** o Grettire. – Novosibirsk: Nauka, 1976. – 176 s.
- Salnikov K.V.** Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala / K.V. Salnikov. – M., 1967. – 408 s.
- Sergatskov I.V.** Klad bronzovyih serpov iz poselka Primorsk / I.V. Sergatskov // Drevnosti Volgogradskikh stepy. – Vyip. 5. – Volgograd, 1995. – S. 113-117.
- Sokolskiy N.I.** Tamanskiy klad bronzovyih orudiy / N.I. Sokolskiy // SA. – 1980. – № 2. – S. 144-150.
- Subbotin L.** Klad belozerskoy kultury iz okrestnostey s. Kamenka v Dunaysko-Dnestrovskom mezhdureche / L. Subbotin, S. Agulnikov // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. VIII, nr. 1-2. – Chişinău, 2012. – P. 182-189.
- Subotin L.V.** Novotroianivskiy skarb ta pytannia obminu metalom za doby piznoi bronzy / L.V. Subotin, I.T. Cherniakov // Arkheolohiia. – 1982. – № 39. – S. 15-23.
- Syimonovich E.A.** Ingulskiy klad / E.A. Syimonovich // SA. – 1966. – № 1. – S. 127-142.
- Telegin D.Ya.** Staroselskiy klad pozdney bronzy iz Cherkasskoy oblasti / D.Ya. Telegin // SA. – 1982. – № 1. – S. 222-224.
- Terenozhkin A.I.** Predskifskiy period na Dneprovskom Pravoberezhe / A.I. Terenozhkin. – K.: Izd-vo AN USSR, 1961. – 248 s.
- Terenozhkin A.I.** Osnovy hronologii predskifskogo perioda / A.I. Terenozhkin // SA. – 1965. – № 1. – S. 63-85.
- Tihonov B.G.** Metallicheskie izdeliya epohi bronzy na srednem Urale i v Priurale / B.G. Tihonov // MIA. – 1960. – № 90. – S. 5-115.
- Usachuk A.N.** Kurganyi Donbassa v narodnom vospriyatii i nauchnoy praktike (do nachala HH veka): mify i realnost / A.N. Usachuk, Yu.B. Polidovich, A.V. Kolesnik // Arheologicheskiy almanah. – № 14. – Donetsk, 2003. – S. 13-55.
- Hansen S.** Klady v Evrope v epohu bronzy / S. Hansen // Bronzovyy vek. Evropa bez granits. Chetvertoe – pervoe tyisyacheletiya do n.e. Katalog vystavki – SPb.: Chistyiy list, 2013a. – S. 279-289.
- Tsahilov O.L.** Pogrebalnyiy inventar osetin v proshlom i nastoyaschem / O.L. Tsahilov // Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. – № 43-1. – SPb., 2007. – S. 362-365.
- Tsimidanov V.V.** Pogrebeniya so stelami v yamnoy kulture Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya / V.V. Tsimidanov // Stratum plus. – 2001-2002. – № 2. – S. 370-385.
- Tsimidanov V.V.** Derevyannyye chashi v srubnoy kulture / V.V. Tsimidanov // DAS. – Vyip. 11. – Donetsk, 2004a. – S. 55-76.
- Tsimidanov V.V.** Sotsialnaya struktura srubnogo obschestva / V.V. Tsimidanov. – Donetsk, 2004b. – 204 s.
- Tsimidanov V.V.** Kulturno-hronologicheskaya interpretatsiya pogrebeniy eneolita – epohi bronzy kurgana «Rozkopana Mogila» (Donbass) / V.V. Tsimidanov // Arheologicheskiy almanah. – № 25. – Donetsk, 2011a. – S. 156-179.
- Tsimidanov V.V.** Sny i proishozhdenie nekotorykh predstavleniy o potustoronnem mire / V.V. Tsimidanov // Litopys Donbasu. – № 19. – Donetsk, 2011b. – S. 10-35.
- Tsimidanov V.V.** «Zolushki» srubnoy kultury / V.V. Tsimidanov // Litopys Donbasu. – № 20. – Donetsk, 2012. – S. 45-58.
- Tsimidanov V.V.** Novaya nahodka serpa kabakovskogo tipa na Srednem Dontse / V.V. Tsimidanov, E.E. Kravchenko // Problemy ohrany i issledovaniya pamyatnikov arheologii v Donbasse. – Donetsk, 1989. – S. 130-132.
- Cherednichenko N.N.** Srubnaya kultura / N.N. Cherednichenko // S.S. Berezanskaya, V.V. Otroschenko, N.N. Cherednichenko, I.N. Sharafutdinova. Kultury epohi bronzy na territorii Ukrainy. – K.: Naukova dumka, 1986. – S. 44-82.
- Chernyih E.N.** O himicheskoy sostave klada iz Staroy Mazyi / E.N. Chernyih // KSIA. – 1966. – Vyip. 108. – S. 123-131.
- Chernyih E.N.** Metall – chelovek – vremya / E.N. Chernyih. – M.: Nauka, 1972. – 208 s.
- Chernyih E.N.** Drevnyaya metalloobrabotka na yugo-zapade SSSR / E.N. Chernyih. – M.: Nauka, 1976. – 304 s.
- Chernyih E.N.** O himicheskoy sostave metalla Tamanskogo klada / E.N. Chernyih // SA. – 1980. – № 2. – S. 150-154.

Chernyih E.N. Problema obschnosti kultur valikovoy keramiki v stepyah Evrazii / E.N. Chernyih // *Bronzovyyi vek stepnoy polosyi Uralo-Irtyishskogo mezhdurechya.* – Chelyabinsk, 1983. – S. 81-99.

Chernyakov I.T. Iz istorii bronzoliteynogo proizvodstva v Severnom Prichernomore / I.T. Chernyakov // *ZOAO.* – 1967. – T. 2 (35). – S. 23-37.

Cherniakov I.T. Betsylivskiy skarb piznoi bronzy / I.T. Cherniakov // *Arkheolohiia.* – 1968. – T. XXI. – S. 131-134.

Chernyakov I.T. Severo-Zapadnoe Prichernomore vo vtoroy polovine II tyisyacheletiya do n.e. / I.T. Chernyakov – K.: Naukova dumka, 1985. – 172 s.

Sharafutdinova I.N. Stepnoe Podneprove v epohu pozdney bronzy / I.N. Sharafutdinova – K.: Naukova dumka, 1982. – 157 s.

Sharafutdinova I.N. Sabatinovskaya kultura / I.N. Sharafutdinova // S.S. Berezanskaya, V.V. Otroschenko, N.N. Cherednichenko, I.N. Sharafutdinova. *Kulturyi epohi bronzyi na territorii Ukrainyi.* – K.: Naukova dumka, 1986. – S. 83-116.

Sharafutdinova E.S. Novyye dannyye o pamyatnikah epohi pozdney bronzyi i nachala rannego zheleza na Kubani / E.S. Sharafutdinova // *Drevnie kulturyi Prikubanya.* – L.: Nauka, 1991. – S. 70-91.

Shnirelman V.A. Proizvodstvennyie predposylki razlozheniya pervobyitnogo obschestva / V.A. Shnirelman // *Istoriya pervobyitnogo obschestva. Epoha klassoobrazovaniya.* – M.: Nauka, 1988. – S. 5-139.

Shramko B.A. Drevnosti Severskogo Donsa / B.A. Shramko. – Harkov: Izd-vo Harkovskogo un-ta, 1962. – 404 s.

Hansen S. Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhônetal und Karpatenbecken. – T. 1 / S. Hansen // *Aus dem Seminar für Ur- und Frühgeschichte der Freien Universität Berlin. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie.* – B. 21. – Bonn: Habelt, 1994a. – S. 1-406.

Hansen S. Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhônetal und Karpatenbecken – T. 2 / S. Hansen // *Aus dem Seminar für Ur- und Frühgeschichte der Freien Universität Berlin. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie.* – B. 21. – Bonn: Habelt, 1994b. – S. 407-650.

Hansen S. Bronzezeitliche Deponierungen in Europa nördlich der Alpen Weihgaben ohne Tempel / S. Hansen // *Sanktuar und Ritual. Heilige Plätze im archäologischen Befund.* – Rahden: Leidorf, 2013b. – S. 371-387.

Kaiser E. Drei bronzezeitliche Hortfunde aus dem unteren Dneprraum / E. Kaiser, Z.C. Popandopulo // *Praehistorische Zeitschrift.* – B. 79. – H. 1. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004. – S. 5-35.

Leskov A.M. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde in nordlichen Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen) / A.M. Leskov // *PBF.* – 1981. – T. XX, 5. – 130 s.

Petrescu-Dimbovița M. Depozstele de bronzuri din Romania / M. Petrescu-Dimbovița. – București: Editura Academiei RSR, 1977. – 390 s.

Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux / A.M. Tallgren // *ESA.* – 1926. – T. II. – 248 s.